

84 P6
С 32

Марк Сергеев
ВОЛШЕБНАЯ
ГАЛОША

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МАРК СЕРГЕЕВ

ВОЛШЕБНАЯ ГАЛОША

или

Необыкновенные приключения
Вадима Смирнова, его лучшего
друга Паши Кашкина
и 33 невидимок из 117-й школы

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

Есть у меня одна знакомая учительница. Встретил я её как-то на улице и спросил:

— Как жизнь?

— Да вот,— говорит,— иду к ребятам сочинение проводить на тему «Я — невидимка». Чтобы каждый, значит, написал, что он стал бы делать, если бы вдруг превратился в невидимку.

Представляете, как я провёл всю неделю: только и выглядывал в окно, чтобы не пропустить, когда учительница понесёт сочинения домой. Ведь так любопытно узнать, о чём написали школьники.

И вот я раскрыл первую тетрадь, вторую, третью. А в четвёртой... О, вы даже не можете представить, какие там происходили чудеса — летали по воздуху девочки, учитель Анатолий Петрович не узнавал сам себя, бегали мальчишки... совершенно зелёного цвета. Вы, должно быть, тоже хотели бы заглянуть в эту школьную тетрадь? Ну что ж, пожалуйста, я не жадный.

Марк Сергеев

•

Ч А С Т Ь   П Е Р В А Я

СТАРИК С ЗЕЛЁНОЙ БОРОДОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*в которой мы впервые встречаем старика
с зелёной бородой и с которой, собственно,
начинаются необыкновенные
события в городе Прибайкальске*

Нет, что ни говорите, а суббота — очень хороший день.

Шёл Димка по улице, напевая под нос какую-то весёлую песню, и размахивал портфелем. Если ты учишься в пятом классе, то знаешь, каким был этот портфель: ручка у него держалась на волоске, замок заедал, а задняя сторона была потёрта и поцарапана — видимо, не раз заменял этот портфель санки.

Так бы, глаза по сторонам, добрёл Димка до самого дома, если бы внимание его не привлёк шум в соседнем квартале. Димка бросился туда и увидел тележку. В ней не было ничего особенного — тележка как тележка, но вот что странно: тележку никто не вёз, она двигалась сама по себе. От удивления Димка остановился и даже рот раскрыл. Но вот тележка поравнялась с ним, и оказалось, что

нагружена она пухлыми тяжёлыми мешками, а толкает её малюсенький — не больше первоклассника ростом — старичок весьма забавного вида. На голове его торчала надвинутая на самые глаза островерхая папаха из невиданного зелёного каракуля, длинная — тоже зелёная — борода тащилась по земле. Димке даже показалось, что борода не настоящая, и захотелось дёрнуть её разок — для проверки. Зелёные глаза старика смотрели в разные стороны и были круглыми, как у карася. Одежда у него была из оранжево-зеленоватой в кругляшках ткани. Так что издали зелёнобородый походил не то на рыбу, покрытую чешуёй, не то на рыцаря в кольчуге.

За старичком длинной шумной вереницей тянулись мальчишки и девчонки. Взрослые останавливались и улыбались: «Гляди-ка, какую рекламу придумал цирк!» И никто не догадался, что старичку трудно одному везти такую тяжелонагруженную тележку.

— Дедушка, — сказал тогда Димка, — разрешите, я помогу...

Старичок ничего не ответил, только немного подвинулся, уступая место Димке, и начали они толкать тележку вдвоём.

Вскоре мальчишки поотстали, и на смену им пришли другие — и тоже хохочут, зави-

дев странного старика. Уже кончился город, и начались улицы заводского посёлка. Вот уже и они позади. Дорога шла теперь через лес.

Димка начал волноваться. «Всё пропало,— думал он мрачно.— Подвёл я ребят: не сможет «Синий лопух» играть без вратаря, а сегодня матч с «Волчьей лапой» — сильнейшей дворовой командой города!»

Старичок точно понял его мысли: он дёрнул себя изо всех сил за бороду — Димка сразу убедился, что она не приклеена, — и остановился.

— Ну вот и приехали,— сказал он неожиданно густым раскатистым басом.

— До свиданья, дедушка,— обрадовался мальчик.— Я побегу, мне домой нужно.

— Подожди малость,— схватил его за рукав старичок,— я хочу тебя отблагодарить за помощь.

— А меня не надо отблагодаривать.

— Чудак, я тебе хочу подарить какую-нибудь интересную штуковину.

— Зачем мне всякие штуковины? Я ведь вам просто так помогал.

— Неужели ты откажешься даже от моей галоши с правой ноги? — Незнакомец почесал в затылке.

— Да зачем мне галоша? — удивился Димка.— У меня своих две, да и то лучше бы их не было!

— Это почему же так?

— А если дождь — мама ругает: «Почему опять не надел галоши?» Будто у меня только и дела, что помнить о галошах.

— Как же быть? У меня больше ничего нет, кроме волшебной галоши...

— Ну да, волшебной,— усмехнулся Димка.— Волшебных галош не бывает вовсе.

— Правду тебе говорю. Она, эта галоша, для правой ноги. Но если надеть её неправильно, на левую ногу то есть, да ещё волшебные слова сказать — через три дня станешь невидимкой или сделаешь невидимкой кого захочешь.

— А какие же это слова? — всё ещё недоверчиво спросил Димка.

— Надо сказать так:

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чубурек —
Стань невидим, человек!

Вслед за незнакомцем Димка повторил непонятные слова. И хотя он так и не поверил старику, но галошу с правой ноги всё же взял.

— А всё-таки волшебников на свете не бывает,— сказал Димка.

— Что ты говоришь? Неужели? — ответил старик и... превратился в пенёк.

Димка испуганно оглянулся.

Тележка исчезла. Вместо неё рос зелёный куст. Из него торчали две сухие палки, а вокруг были разбросаны большие серые камни, похожие на мешки.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*весьма короткая, но в ней Димку осеняет
гениальная идея*

Димка пришёл домой и даже ужинать не стал. Он завернул галошу в газету и потихоньку вышел из дому.

Во дворе уже закончился футбольный матч, команда «Синий лопух», даже без знаменитого вратаря, выиграла со счётом двадцать семь — ноль, после чего команда «Волчья лапа» была тут же переименована в «Заячий хвост». Капитан да и все другие футболисты-гости не согласились с этим, и дружеская встреча дворовых команд закончилась приличной потасовкой.

Пока весь двор оживлённо обсуждал события сегодняшнего вечера, Димка нашёл укромное местечко за сараем, забрался в узкую щель между стеной сарая и забором, выглянул — не следит ли кто? — и надел галошу на левую ногу.

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чубурек —
Стань невидим, человек!

Он произнёс таинственным шёпотом эти волшебные слова, затем осторожно снял галошу, завернул её в газету и хотел было уже идти домой, но вдруг подумал: «А что же, я один буду невидимкой? Неинтересно даже. Вот превращу-ка я ещё Пашку Кашкина... Нет, лучше весь класс превращу в невидимок! Вот здорово получится! Придёт на урок Анатолий Петрович, все скажут: «Здравствуйте, Анатолий Петрович!» А в классе вроде никого нет... Димка! Ты — гений!»

Подумал так, снова надел галошу и повторил заклинание.

Теперь всё в порядке. Захватив с собой удочку и банку с червями, Димка помчался к Пашке Кашкину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
*в которой улыбается зелёный таймень,
а Паша Кашкин разговаривает
с привидением*

Три часа петляла между деревьями светло-шоколадная «Победа» Пашиного отца, и мальчики замирали от восторга. То двигалась им навстречу белоснежная мраморная скала, и закат на ней положил алые и синие полосы, то подступал старый тёмный кедрач к окнам машины, и зелёный мох, похожий на неопрятные бороды, свисал с каждой ветки.

К озеру подъехали поздним вечером. Подкатили машину к развесистому кусту тальника, разожгли костёр, и Пашин отец — Пётр Никанорович — отправился ставить свои мудрёные снасти. Мальчики сидели у огня, обсуждали, как бы не проспать зарю, когда лучше всего клюёт.

Пётр Никанорович разбудил их чуть свет.

— Эй, омулятники-братишечки, хватит постель давить, надо рыбку ловить.

— Ну вот, — спросонок пробурчал Паша, — воскресенье же!

Но Димка вскочил, растормошил его, и Паша вспомнил наконец, что они на рыбалке.

Через полчаса друзья сидели с удочками на порядочном расстоянии друг от друга, подстелив на остывшие за ночь камни ватные телогрейки.

У Димки долго не клевало.

Но вдруг поплавок чуть качнулся, погрузился в воду и ушёл вправо. Димка затаив дыхание повёл вперёд леску, подсек и начал тащить добычу. Тянуть было нелегко.

«Ясно, — решил Димка, — либо таймень, либо... ещё какая-нибудь рыба».

Но вот на поверхности воды показался тёмный предмет. Это был... сапог, старый, изношенный сапог, наполненный камнями.

«Вот так таймень! — смутился рыболов. — Хорошо, хоть Паша не видел, а то просмеял бы на весь двор».

Он насадил нового червяка, закинул крючок, взглянул на озеро и замер от удивления: высунув толстую голову из воды, огромный зелёный таймень глядел на него круглыми выпуклыми глазами и нахально улыбался. Димка протёр глаза, снова взглянул на озеро — таймень исчез.

«Почудится же такое человеку!» —

подумал он и стал наблюдать за поплавком. А поплавок опять задёргался.

— Ну, на этот раз, уж конечно, рыба! — Димка дёрнул удилице.

Что-то блестящее взлетело вверх, обдало его водой и крепко стукнуло по голове. На этот раз добычей оказалась консервная банка — «Бычки в томате».

А на поверхности Горного озера опять показалась ухмыляющаяся голова зелёного тайменя, и Димка долго пытался вспомнить, почему так знакома ему эта физиономия.

Больше таймень не показывался, но и улова не было. Попалась только тощая малявка, да и та зацепилась хвостом.

— Какой из тебя толк? — сказал Вадим. — Гуляй себе.

И он, осторожно отцепив рыбёшку, снова пустил её в воду.

У Паши, оказывается, дела обстояли не лучше. Он прибежал к машине, запыхавшись, без удочек, перепуганный, и долго не мог произнести ни одного слова.

— Я... я... — дрожа, сказал он наконец, — видел сейчас привидение...

— Что-то ты того... заливаешь, — рассмеялся Пётр Никанорович. — А я уж подумал, не медведь ли за тобой гонится...

— Нет, правда! — сказал Павлик. — Попался мне таймень, огромный — во! — И он развёл руки до отказа. — Во такой...

— Что-то не слышал я, чтобы таймень на удочку попадался, — сказал Пётр Никанорович.

— Сам знаю, что не попадается. А тут попался.

Ну вот. Я его тяну к себе, а он меня — к себе. Я его к берегу, а он меня в воду. Нет, думаю, я тебя всё одно вытащу! И тут из воды старик страшный такой вылезает. Весь зелёный. И борода, словно тот мох, зелёная, и волосы на голове. Глазищи большие да круглые, рыбы. Подбирается он к тайменю и, значит, вытаскивает его голову из воды, крючок осторожно из губы вынимает и пускает моего тайменя в воду. Я разозлился и кричу ему: «Ты, говорю, зачем мою рыбу берёшь?!» А он как засмеётся, нырнёт в воду, опять покажется, и всё смеётся. Страшно мне стало. Я бегом, а он мне вслед язык показывает.

— Ну и мастер ты сказки сочинять,— вздохнул Пётр Никанорович.— Однако сказками сыт не будешь — садитесь, чудаки-рыбаки, есть будем.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой Димка убеждается, что Зеленобородый его обманул. В ней рассказывается также о «Всаднике без головы»

Через три дня после того, как Димка произнёс волшебное заклинание, проснувшись утром, он почувствовал, что с ним что-то происходит.

«Пожалуй, я уже становлюсь невидимкой»,— подумал он и стал себя ощупывать.

Правда, себя-то он видел прекрасно, однако на всякий случай надо было проверить, и он немедленно выскочил во двор. Часть команды «Синий лопух» — те, кто учится во вторую смену,— тренировалась, готовясь к решающему матчу с командой «Ураган», грозой Прибайкальска.

— Димка! — закричали ребята, завидев своего вратаря. — Давай сюда. Постой маленько в воротах!

И Димка понял, что не только он себя, но и другие видят его, а значит, Зеленобородый просто обманул его, и никакой вообще этот старикашка не волшебник, и галоша — тоже обман.

О том, что произошло дальше, Димка написал стихи.

Первое стихотворение

Вадима Смирнова

Сегодня у нас сочиненье.
Достав из портфеля тетрадь,
Задумался я на мгновенье —
Хотел заголовок писать.
И вдруг в удивлении замер,
Соседа толкнул: «Разбуди!» —
Я видел своими глазами:
Растаял мой друг впереди.
А мне отвечает Павлуша:
«Ну, что ты волнуешься, брат,
И сам ты растаял, лишь уши
Покуда над партой торчат».
Он шепчет: «Послушай-ка, Димка,
У всех — лишь глаза да носы.
Учитель — и тот невидимка:
Уже исчезают усы!»
Весь класс постепенно растаял.
Чуть видим друг друга. И вот
Весёлая шумная стая
Выходит из школьных ворот.
Над городом сизая дымка,
Гудки заводские поют.
И вот тридцать три невидимки
По улицам шумным идут...

Да! Это был денёк!

Когда буквально на его глазах стали таять, исчезать бесшумно мальчишки и девчонки, испуган-

ный Анатолий Петрович, преподаватель литературы, выбежал из класса и долго пил в учительской воду, размышляя о том, что надо лечиться — нервы сдают, уже галлюцинации начались.

В классе стоял невообразимый шум.

Приоткрылась дверь, возмущённая голова вожатого Сени показалась на минуту и скрылась. Вожатый никого не увидел — класс был, как ему показалось, пуст. Он шёл по коридору, недоуменно пожимая плечами, и даже не обратил внимания, как странно на него посмотрела уборщица тётя Катя. Но едва он вышел на улицу — началось столпотворение. Прохожие останавливались, показывая на него пальцем; какая-то дамочка упала в обморок; девчонки, лепившие из песка пироги, рысью бросились в рассыпную.

— Гражданин,— сказал Сене постовой милиционер.— Гражданин, где ваша голова?

— Как — где? — изумился Сеня.— На плечах. Где же ещё?..

— Вы так думаете? — спросил постовой.— Пройдёмте, гражданин, в участок. Не нарушайте!

— Я не могу в участок. У меня заседание! Через полчаса!

— Неужто и без головы заседают?! Вот что, гражданин, некогда мне вас уговаривать, да и толпа вон собирается. Садитесь в коляску, едем в отделение. Там разберутся!

По улицам Прибайкальска мчался мотоцикл. За рулём сидел сосредоточенный, задумчивый милиционер. А в коляске... В коляске, размахивая руками и хватая милиционера за гимнастёрку, мчался «Всадник без головы».

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой происходят странные, необъяснимые вещи; в ней же рассказывается о том, как Димка с Пашей проводят несколько экспериментов

Сперва никто никого не видел.

Хлопали крышки парт, невидимая тряпка стирала тему сочинения на доске, и вдруг появлялись кривые рожицы и подписи под ними. На доске резвилось сразу несколько мелков, но тех, кто водил ими по чёрному полю, разглядеть было невозможно. Кто-то стукнул Димку по затылку и сказал голосом Веры Сокольниковой: «Ой, кажется, я кого-то задела». На парте Паши Кашкина появился

пирожок — пирожки вообще были его страстью. Ребята обычно тратили деньги, которые заботливые родители выдавали им на завтрак, на книги, копили, чтобы купить голубя или марок для коллекции. Паша всё тратил на пирожки. Пирожок сперва лежал на парте Паши, а потом вдруг куда-то исчез. И только по воплю, который издал Кашкин, было ясно, что съел пирожок не он.

Но вот постепенно стали прорезаться неясные контуры, туманные и расплывчатые. Они становились всё чётче и чётче. И когда прозвенел звонок на большую перемену, все уже были «видимками».

«Стоило затевать всё это на десять минут!» — подумал Димка, но, увидев, каким восторгом горят глаза у ребят, промолчал.

Пятиклассники высыпали в коридор, но тут же их стали сбивать ребята, бежавшие в буфет. Их толкали, на них налетали, как на невидимое препятствие, падали, после чего даже самые стремительные уже шли тихо-тихо, на ощупь. И когда Анатолий Петрович снова решился выглянуть из учительской, школьный, обычно шумный коридор представлял забавную и какую-то зловещую картину: вдоль стен, прижавшись к ним спинами, испуганно стояли школьники. Некоторые ходили, странно расставив ноги и растопырив руки, как обычно играют в пятнашки с завязанными глазами. И тишину нарушал только хохот, который нёсся откуда-то с подоконников, с совершенно пустых — в этом он был убеждён! — подоконников...

— Мистика! — прошептал Анатолий Петрович и упал на руки вожатому Сене, помутнёнными глазами посмотрел на него, не увидел на месте головы и потерял сознание.

«Наверно, мы всё-таки остались невидимками,— подумал Димка.— Только мы видим друг друга, а они нас — нет».

В школе было объявлено ЧП, ученики отпущены домой, учителя собрались на педсовет, чтобы обсудить невероятные события дня. Все как-то боялись смотреть на Анатолия Петровича, который странно изменился. Сперва не могли понять, в чём дело, взволнованные сегодняшним происшествием, потом поняли,— у Анатолия Петровича исчезли усы. Рядом с ним сидел Сеня. На него тоже боялись глядеть: вожатый был без головы!

Но хотя Сеня и был «без головы», но голова-то у него на плечах была. И он начал первым:

— Двадцатый век — век, полный загадок. Все новые и новые проблемы ставит перед человеком природа, и мы их отгадываем. Ещё недавно нам казалась мистикой кибернетика, а теперь мы строим считающие машины, они же, машины, разгадывают тайны древних языков, и так далее. Ещё недавно мы считали мистикой науку телепатию — о передаче мыслей на расстояние. А теперь?.. А теперь даже я знаю, о чём вы думаете...

— О чём? — робко спросила математичка Гипотенуза Сергеевна.

— О том, что у меня нет головы. А вы пощупайте.

Гипотенуза Сергеевна протянула дрожащую руку и погладила Сеню по голове.

— Вы подумайте! — обрадовалась она.— А в самом деле есть!

— А что это значит? — продолжал Сеня.— Это значит, что мы стали участниками какого-то необычного эксперимента, возможно, даже случай-

ного, ибо нельзя же превращать людей в невидимок без их согласия. Поэтому предлагаю обратиться в Академию наук, выяснить, не занимается ли кто-либо из наших учёных этими проблемами.

С ним согласились все.

А Димка и Паша гуляли в это время по городу, впервые наслаждаясь полной свободой. Они полакомились мороженым в кафе «Снежинка», с удовольствием наблюдая, какое выражение лица у официантки, когда с подноса прямо на её глазах исчезала порция и вдруг оказывалась на столе.

Дрожа от холода после семнадцатого пломбира, они снова вышли на улицу.

— Ты знаешь,— сказал Паша.— По-моему, всё, что попадает к нам в руки, становится невидимым. А как только мы выпускаем предмет из рук, он становится нормальным.

— Проверим?

— Проверим.

У киоска с пирожками Паша остановил Димку.

— Гляди. Я беру пирожок...

— Гражданин! — зашумела продавщица на длинного тощего человека в очках.—Здесь же только что лежал пирожок!

— Спросите у товарищей,— ответил покупатель,— я не брал.

— Не брали! А куда же, скажите, он девался? А?

— Не знаю...

— Не знаете? Съели вы его, вот что! А у меня ещё один просите. Нехорошо! А ещё очки надел!

— Послушайте!.. Как вы смеете!

И тут же на прилавке появился пирожок.

— Теперь вы убедились, что я не брал?!

— «Не брал»! Откуда же он появился?..

И тогда на глазах у всего честного народа пирожок исчез. И уже навсегда.

— Не мог удержаться, понимаешь... Это, конечно, нехорошо. Но если бы ты так же любил пирожки, как я, ты бы меня понял,— сказал Паша.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о необыкновенном футбольном матче между командами «Синий лопух» и «Ураган»

И тут Димка вспомнил, что на сегодня назначен финальный матч между двумя лучшими дворовыми командами города: командой «Ураган», чемпионом прошлого года, и командой «Синий лопух», созданной совсем недавно. И мальчишки помчались домой.

Вокруг спортивной площадки уже собралась толпа любопытных. Взрослые, кто в этот час был свободен от работы, принесли стулья, девочки постелили на землю газеты, чтобы не испачкать платья. А мальчишки уселись на портфели и просто на землю. Пора было начинать игру, но команда «Синий лопух» ещё не приготовилась — не было вратаря. Капитан команды Федя Тузиков в волнении ходил по полю; запасной вратарь Колька Спиридонов уже менялся с кем-то майкой, чтобы быть в форме. Остальные члены команды сидели у ворот. Разминка уже кончилась.

— Федя! — ещё издали закричал Димка. — Я здесь!

— Димка! — радостно вскрикнули ребята. — Давай сюда, Димка!

— Эй, Димка! Где ты? — кричал Федя Тузиков.

— Да здесь я, ребята, в воротах же я стою.

— Слушай! — возмутился Тузиков. — Хватит прикидываться! Или становись в ворота, или без тебя обойдёмся!

— Я же здесь. — Димка подбежал к Феде и схватил его за руку. — Здесь я, на поле.

— Ты, что ли, меня за руку схватил? — спросил Тузиков у Коли Спиридонова.

— Нет, а что?

— А то, что хватит этого задавалу ждать. Спрятался куда-то. Думает, что без него не сыграют. Ещё как сыграем. Становись, Коля, в ворота.

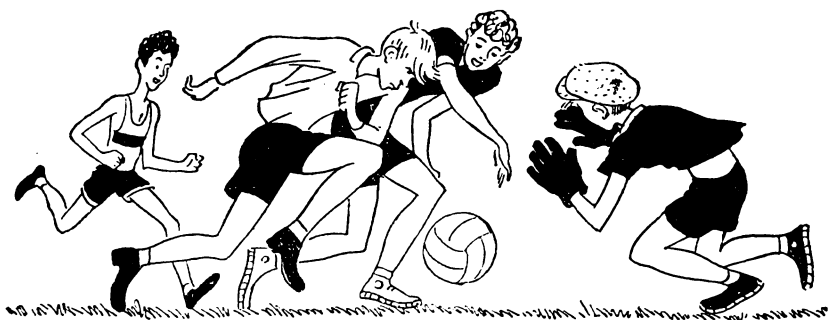
Тогда Димка понял, что его дела плохи. Сознаться в том, что он стал невидимкой, ему не хотелось: пусть пока всё останется тайной. И команде хотелось помочь. Ведь проиграют, как пить дать, проиграют!

Судья дал свисток, и началась игра. В первые же минуты у ворот команды «Синий лопух» создавалось напряжённое положение. Ребята, огорчённые отсутствием Димки, основного вратаря, играли растерянно, вяло, и кто-то из них задел рукой мяч. Да ещё где — на штрафной площадке!

Вы понимаете, что грозит команде в таком случае? Ну конечно, одиннадцатиметровый! Это уж наверняка гол. Даже вратарь лучшей в Прибайкальске взрослой команды «Энергия» пропускает в таком случае мяч в сетку.

Замерли зрители. Медленно отсчитал шаги судья, поставил мяч.

Свисток! Удар!

Мяч стремительно летит в ворота.

— Гол! — пронёсся по двору печальный вздох.

Но что это? Мяч, долетев до линии ворот, повисел в воздухе, потом растаял совсем, потом подпрыгнул и, словно от хорошего удара, улетел к центру поля.

Публика сперва оторопела, затем зашумела, как могут шуметь только на стадионах. Девчонки, всхлипывая от восторга, скандировали: «Спиридонов! У-ра!» И хотя дело происходило на дворовой площадке, и здесь нашлись такие, что закричали во весь голос: «Судью на мыло!» А судья, как вы сами понимаете, был тут ни при чём. Футболисты «Урагана», не понимая, в чём дело, стали играть пассивней и вскоре пропустили в свои ворота гол. И снова стадион шумел, и снова требовали передать судью мыловаренной промышленности — это, конечно, старались болельщики «Урагана». Счёт матча был открыт.

Игра была напряжённой. У ворот «Синего лопуха» часто создавались острые моменты. И вот во втором тайме капитан команды «Ураган» — он играл на правом краю — красивой пасовкой пере-

даёт мяч центру нападения. Тот опережает защитника и ведёт мяч к воротам. Левый край тоже вышел вперёд. Положение аховое. И вдруг центр нападения валится на землю, неловко оттолкнув от себя мяч, рядом с ним падает второй игрок «Урагана».

— Ты что своим подножки подставляешь? «Лопуху» подыгрываешь?

— Да ты что? Сам мне подставил, а теперь ещё...

— Врёшь, это ты...

— Сам ты врёшь!

И пока игроки спорили между собой, мяч был уже в центре поля. Опасное положение ликвидировано.

До конца игры оставались буквально минуты. А счёт не менялся. Колька Спиридонов—вратарь—успокоился; уже давно в сторону ворот никто не бил, поэтому он нагнулся, чтобы завязать шнурки — они у него вечно развязывались. И тут вдруг один из игроков «Урагана» прорвался к воротам, ударил по мячу, мяч пролетел мимо Кольки и, не задев сетки, странным образом отскочил назад. Что творилось дальше, вообще трудно было понять. Мяч без посторонней помощи понёсся к центру поля, покружился у ног капитана противников; тот замахнулся и не попал ногой по мячу — вернее, мяч увильнул и, отскакивая от земли, понёсся в сторону ворот «Урагана». К мячу бросились два игрока, но они стукнулись лбами, навстречу выскочил вратарь, но и он не мог схватить его. И тогда мяч, обойдя вратаря, торжественно и медленно вкатился в ворота.

Зрители бушевали.

Но Димка и Паша уже не слышали ни восторженных возгласов, ни удивлённых разговоров. Они сделали своё дело.

Теперь можно было и отдохнуть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой рассказывается о том, как
хлопотно быть невидимкой.*

Футбольное состязание показало друзьям, что быть невидимкой не так уж плохо. У кинотеатра они замедлили шаги и с удовольствием наблюдали за толпой, которая понапрасну толкалась у кассы — сверху чёрным по белому было написано: «На сегодня все билеты проданы». Но героев наших мало волновало отсутствие билетов: словно лёгкие тени, проскользнули они мимо контролёра, вошли в фойе, где ещё было пока пусто, так как сеанс должен был начаться не скоро, и сели на стулья у стены. Прямо перед их глазами висели портреты киноактёров. Пашка вот уже два года собирал открытки с фотографиями героев фильмов, и мальчики начали отгадывать фамилии актёров и в каких фильмах эти актёры играли.

Друзья так увлеклись, что даже подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть фотографии.

И в тот самый момент, когда между ними возник спор: похож один из артистов на их учителя Анатолия Петровича или не похож, оба вдруг очутились на паркетном полу. Димка откатился к стене, а Паша плюхнулся посреди фойе. Зашиблись основательно. С трудом поднявшись, они увидели причину своего несчастья. Эта причина, в виде весьма

упитанного человека средних лет, забавно присев на корточки, шарила по воздуху руками. Вероятно, администратор кинотеатра — а это был он — разыскивал неожиданное препятствие, на которое наткнулся, торопясь в кабинет. Ничего не обнаружив, он провёл рукой по полу, вытер руку о платок, грустно как-то сказал: «Ну, пожалуйста!», а затем, всё ещё недоумевая, провёл платком по вспотевшему лицу. На лице остались чёрные полосы, но администратор не заметил этого. Он величественно зашагал в кабинет.

Друзьям было и больно и смешно. Пожалуй, больше смешно, чем больно. А Паша даже не выдержал и рассмеялся.

Администратор оглянулся, недоуменно пожал плечами — он ведь ничего не видел, — пощупал лоб, покрытый холодным потом, и снова сказал: «Ну, пожалуйста... Ну, пожалуйста!..» Он шёл теперь медленно, непрерывно оглядываясь. Мальчики зажимали рты ладонями.

Фойе постепенно заполнялось публикой. Наученные горьким опытом, мальчишки держались теперь подальше от людей. Они забились в угол за киоском с газированной водой, и Паша, которого после пирожков одолела жажда, взял стакан — никто на это не обратил внимания, потому что стакан немедленно исчез, — потом подставил стакан под лёгкую пенистую струю, и все разинули рты: струя падала на пустой поднос, но не разливалась лужичей, а просто-напросто пропадала неизвестно каким образом.

Сеанс начался. Друзья подождали, пока все усядутся, и заняли свободные места в девятом ряду.

Посидеть им так и не удалось. В тот самый момент, когда на экране по новгородскому базару прошёл Садко, весело разговаривая с людьми, по тёмному залу с фонариком прошёл билетёр, а за ним — молодой человек и девушка. Билетёр указал им место. Димка досадливо отмахнулся, когда мимо него прошёл, протискиваясь к своему месту, человек. Но девушка — она шла следом — села прямо на Димкины колени. Рядом заойкал Паша. Молодые люди вскочили, внимательно посмотрели на места, пощупали их и... очень осторожно сели. Зрители в девятом ряду повозмущались, пока друзья выбирались, наступая всем по очереди на ноги, и, наконец, успокоились.

Невидимкам снова пришлось стоять. Только уже к самому концу фильма им удалось устроиться на крайних местах седьмого ряда, и они забыли огорчения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
*в которой родители получают странные
письма*

Надежда Степановна — мама Вадима — начала уже волноваться: десятый час, а сын ещё не обедал, не возвращался из школы. Это было настолько не похоже на Димку, всегда такого аккуратного, что она не знала, что и думать. То ей казалось, что с сыном произошло несчастье, и она готова была бежать в милицию. То она успокаивала себя: Димка, вероятно, засиделся на своём литературном кружке, и она мысленно начинала ругать учителя, который так поздно задерживает детей. Наконец

Надежда Степановна не выдержала и отправилась в школу.

Несмотря на поздний час, в школе было много народу. У всех были почему-то печальные лица. Родители толпились у дверей кабинета директора, женщины всхлипывали, мужчины гулко сморкались. Ещё не зная ничего, ничего пока не понимая, Надежда Степановна почувствовала, как беспокойство и смутная тревога проникают в сердце.

Из кабинета вышел какой-то очень знакомый человек. Но кто именно, Надежда Степановна не могла вспомнить.

— Да, друзья мои,— сказал он голосом Анатолия Петровича.— Возьмите себя в руки! Положение, не буду скрывать, весьма и весьма тяжёлое. Случилось нечто необычное, и причина происшедшего нам не ясна. Я попрошу вас не волноваться, если расскажу вам сейчас совершенно неправдоподобные вещи...

Такое предисловие не обещало ничего хорошего. Все затихли. Было слышно в тишине, как всхлипнула чья-то мама.

А Надежда Степановна вдруг поняла, что человек этот и есть сам Анатолий Петрович, но... только без усов.

То, что говорил учитель, казалось похожим на сказку и было бы очень забавным, если б не было таким печальным.

— Да-да,— говорил учитель,— все, как один! Мы уже сообщили в милицию, чтобы тех из них, которых удастся обнаружить по каким-либо странным, на первый взгляд, происшествиям, направляли бы к нам. А то, что многие не вернулись домой, тоже вполне объяснимо, хотя и грустно — они

ведь стали невидимками,— а это что-нибудь да значит...

— А я-то,— всхлипывала одна из родительниц,— целый день слышала голос моего Коленьки, да не отвечала... Всё думала, что мне кажется... Ещё мужу пожаловалась. А это был, оказывается, он, Коленька...

— Успокойтесь, товарищ Спиридонова, успокойтесь...— уговаривал её учитель, но та плакала всё сильнее.

— Вздор! Абсурд! — сказал Пётр Никанорович, отец Паши.— Так в жизни не бывает!

— Не бывает? — спросил Анатолий Петрович и открыл дверь в кабинет директора.

— Сеня! — позвал он.

И тогда из дверей вышел человек... без головы. И сказал:

— Здравствуйте.

Родители дружно упали в обморок.

...Домой Надежда Степановна вернулась окончательно расстроенная. Она присела к столу и опустила голову.

И тут взгляд её упал на лист бумаги, на который раньше она не обратила внимания. Надежда Степановна отодвинула сахарницу, прижимавшую листок к столу, и увидела, что бумага написана рукой Димки.

Дорогая мама, мы теперь стали невидимками. Это мне такую галошу подарил Зелёнобородый волшебник. Ты меня не теряй. Вместе с Пашей мы отправляемся в далёкое путешествие. Крепко целую тебя. Из Москвы напишу письмо.

Твой Димка.

Надежда Степановна огорчённо всплеснула руками. Потом подумала вдруг, что мама Павлика ничего ещё не знает. «Да, да...— говорила она себе.— Она ведь тоже волнуется!»

Раздался стук, и дверь распахнулась. На пороге стояла мама Паши Кашкина.

— Надя! — закричала она с порога. — Они уехали в Москву!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
в которой Иван Спиридонович подаёт
сам на себя заявление

Если вы когда-либо бывали на вокзале в городе Прибайкальске, то вы наверняка слышали Ивана Спиридоновича. Именно слышали, потому что Иван Спиридонович до самого последнего времени работал на вокзале, объявляя по радио о прибытии и отправлении поездов, рассказывал пассажирам, где найти буфет, камеру хранения или выход в город. Совсем недавно Иван Спиридонович ушёл на пенсию. Произошло это после одного весьма странного случая, о котором долго говорили прибайкальские железнодорожники. Сам Иван Спиридонович отмалчивался, хотя и был главным участником этих событий.

Дело было так.

На вокзале наступило затишье, и Иван Спиридонович решил выпить чаю. Он налил в стакан кипятку, бросил щепотку заварки и стал помешивать чай ложечкой.

В это время со скрипом отворилась и захлопнулась дверь.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Иван Спиридонович, подходя к двери. В коридоре никого. Старичок пожал плечами и вернулся к столу. Но едва он сел на стул, за спиной щёлкнул микрофон, и звонкий мальчишеский голос произнёс:

— Внимание! Внимание! Паша Кашкин, ты почему ушёл с условленного места? Я тебя жду уже полчаса!

Иван Спиридонович протёр очки, недоуменно огляделся, потом изо всех сил ущипнул себя за ногу. От боли он подпрыгнул, зато убедился, что не спит. После чего, дрожа, подошёл к микрофону, пошарил у стола. В это время опять скрипнула дверь, открылась и снова закрылась.

В комнате никого не было.

«Что-то неладное со мной происходит, — думал Иван Спиридонович, — надо сходить к врачу».

Назавтра он зашёл в железнодорожную клинику, но врач признал старика совершенно здоровым.

Тогда Иван Спиридонович отправил-

ся к начальнику вокзала, подал ему рапорт о случившемся и попросил уволить его по состоянию здоровья.

Начальник вокзала попробовал уговорить старика. Но тот был неумолим.

— Не могу, понимаешь, не могу... Эти самые, как их, иллюминации у меня уже начались. Понятно?

Второе стихотворение
Вадима Смирнова

Мы сели вечером в вагон.
И, набирая ход,
За перегонном перегон
Нас поезд мчал вперёд.
Мелькали реки и мосты,
Поля, колхозный сад,
И придорожные кусты
Стремглав неслись назад.
Назад летел и сизый дым,
И дождик проливной.
Казалось, будто мы стоим,
А мчится шар земной.
Неслись берёзы с двух сторон
Назад во весь опор...
...Дверь отворилась, и в вагон
Заходит контролёр.
Сейчас он спросит:
«Ваш билет?»
К нам подойдёт сейчас,
Увидит, что билетов нет,
И тотчас ссадит нас.
Мы лезем с перепугу
Под лавку друг за другом.
Мы чей-то сдвинули баул,
Задели чьи-то ноги.
Вдруг кто-то вскрикнул:
— Караул! —
И поднялась тревога.

Закрыли двери на запор.
— Конец! — дрожит Павлушка.
— Ой, к нам в вагон забрался вор! —
Кричит одна старушка.
— Каков он, бабушка, собой?
— Я видела, ей-богу,
Такой высокий и рябой.
Каа-ак ступит мне... на ногу!
...Искали «вора» битый час,
Все вещи перерыли,
Сто раз ходили мимо нас,
А нас не находили.
...Огни далёких деревень
Светлеют в синей дымке,
И спят, умаявшись за день,
На полке невидимки.
А поезд мчится, за собой
Разматывая вёрсты,
И вьются искры над трубой,
Как маленькие звёзды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
в которой Димку одолевают сомнения

Проснулись путешественники от пионерской песни.

Поезд останавливался на полустанке, глухая тайга подступила к свежевыкрашенному небольшому домику.словно терем-теремок стоял он среди тёмных елей, и старинный медный колокол у самого входа вздрагивал под порывами ветра, подпевая пионерам.

Их было человек пятьдесят. Над ними гордо плескалось красное знамя. Били барабаны, трубили горны. Десять пионеров отделились от остальных, отдали салют и стали взбираться по ступеням в тот самый вагон, где ехали невидимки.

И вот уложены рюкзаки, заняты полки; позади полустанок с оставшимся на перроне отрядом.

Как хотелось нашим друзьям подсесть к пионерам, расспросить обо всём, рассказать о своём Прибайкальске. Но всё это, казалось, невозможно: ну какой же пионер поверит, что существуют на свете зелёнобородые волшебники, удивительные галоши и... невидимки? Да и едут-то они, эти невидимки, нечестно, без билетов.

А подойти всё же хотелось. И Димка решился.

— Ребята,— сказал он.— Здравствуйте. Это мы с Пашей Кашкиным. Невидимки.

Пионеры осмотрелись — никого.

— Привет! — шутя поклонился один из них.— Вы с Пашей Кашкиным, а мы с Толей Ложкиным... Ну, что же вы? Покажитесь!

— Ах, вы так? — сказал Паша.— Вы ещё дразниться! Да? Тогда смотрите. Вот лежит возле девочки пирожок. Раз! Два! Три! Убедились?

Ах, Паша, Паша! Разве он мог удержаться?

— Пока нет,— натянуто улыбнулся всё тот же пионер.

— А теперь? — спросил Паша, и со столика исчез ещё один пирожок.

— Конечно! Конечно! — закричала девочка, сидевшая у столика.

— Ну то-то. А я думал, не поверите. Это всё волшебная галоша. Такая галоша, такая галоша, что всё может. Хочешь невидимкой быть — пожалуйста. Хочешь, ну там, по воздуху летать, например,— сделай одолжение.

— Вот ты стань видимым — тогда другое дело. А так можно всякое наговорить! — возмутилась девочка в очках.

— И стану! Вот вернёмся из кругосветного путешествия — и стану.

— Слушайте, друзья, — сказал кто-то, — нас просто разыгрывают. Но кто?

— Ничего себе разыгрывают! — возразила девочка в очках. — Пироги-то тю-тю...

А Димка похолодел. Он подумал вдруг о том, что и на самом деле не знает, как стать видимым. А ещё он думал, что быть невидимкой — это не очень-то весело. Куда лучше вот так, как ребята с таёжного полустанка, везти в Москву экспонаты на Выставку достижений народного хозяйства. Или принять участие в соревнованиях футбольных команд...

Весь учебник географии пролетел за окнами в каких-то пять дней. И вот она, Москва!

Ч А С Т Ь   В Т О Р А Я

Л Е Т А Ю Щ А Я   Д Е В О Ч К А

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,
*в которой начальник Московского
управления милиции Василий Михайло-
вич Логинов получает пакет
из Прибайкальска*

В управление милиции приходят ежедневно сотни писем. Одно из них лежит сейчас на столе Василия Михайловича Логинова. Он вскрыл пакет, пробежал глазами письмо и улыбнулся: письмо показалось ему забавным.

— Почитайте-ка да скажите своё мнение,—сказал он сидящему напротив худенькому белобрысому лейтенанту Лёне Фомину.

Лёня взял пакет. На конверте стоял обратный адрес: «Прибайкальское областное управление милиции».

«Наверное, проследили преступника, все нити ведут к Москве,—подумал Фомин.— Ну, здесь ему никуда не уйти!»

Письмо было коротким. Самое важное подчернуто карандашом полковника Логинова.

НЕДЕЛЮ НАЗАД В ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ШКОЛЕ № 117 произошло странное происшествие: ТРИДЦАТЬ ТРИ УЧЕНИКА 5-го «В» КЛАССА РАСТАЯЛИ В ВОЗДУХЕ. Исчезновение ребят было настолько неожиданным, странным и стремительным, что НИКАКИХ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРЕДПРИНЯТЬ НЕ УДАЛОСЬ. Пока обнаружено в городе только ШЕСТЬ человек из этого класса. Чувствуют они себя хорошо, но они невидимы. Ещё более странный случай произошёл с вожатым этой же школы. Он был задержан участковым милиционером, приведён в отделение за нарушение порядка на улицах Прибайкальска. В результате допроса выяснилось, что гражданин Цветков Семён Николаевич, старший пионервожатый школы № 117, имеет голову на плечах, хотя её и не видно. Ежели её пощупать — она вроде есть, если поглядеть со стороны — её нет.

Научные учреждения Прибайкальска пытаются установить причины столь необычного явления, но пока к какому-либо выводу не пришли. Школа, родители и все наши отделения приступили к поискам детей. Следы двоих ведут в Москву. Поэтому обращаемся к вам с просьбой оказать помощь в поисках этих ребят. Данные о них следующие:

1. Смирнов Вадим, ученик пятого класса, 11 лет. Волосы русые, глаза серые, нос прямой, над верхней губой небольшая родинка. Губы припухлые, подбородок выдаётся вперёд.

2. Кашкин Павел, ученик пятого класса, 11 лет. Волосы рыжеватые, глаза светло-карие, на лице веснушки, рот большой, нос чуть вздёрнутый, подбородок круглый.

Прилагаем копии имеющихся у нас материалов по этому делу.

— Знаете, товарищ полковник,— сказал Фомин,— всё это больше похоже на фантастический роман братьев Стругацких, чем на правду.

— Конечно,— согласился Василий Михайлович,— но разве не похоже любое дело, которое нам приходится распутывать, сперва на загадку? А ведь потом всё кажется очень простым и ясным. Вот почитайте-ка остальные материалы.— И полковник протянул Фомину ещё несколько листков. Первый из этих листков был написан аккуратным мелким мужским почерком.

— РАССКАЗ УЧИТЕЛЯ АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА СИЗЫХ, — прочёл Лёня.— В этот день я себя чувствовал плохо. Пришёл на занятия и был очень рассеян. Идя на урок в пятый «В» класс, я случайно забыл в учительской очки. Едва я открыл дверь, ребята, как всегда, встали, сказали: «Здравствуйте, Анатолий Петрович!» — и снова сели. Но тут мне показалось, что у двух мальчиков — Вадима Смирнова и Паши Кашкина — исчезли лица. Я оглядел класс и почувствовал себя совсем скверно. На моих глазах класс таял. Таял в прямом смысле — исчезал! Но что больше всего меня удивило — это взгляд, которым смотрели некоторые ребята на меня. В их глазах было такое неопишное удивление, что я решил: со мной происходит что-то неладное и поэтому мне кажется, что класс пропадает. И тут я решил надеть очки, но обнаружил, что оставил их в учительской. Пытаясь не выдавать своего волнения, я вышел из класса и направился в учительскую. Надев очки, я посмотрел в зеркало — и обмер от неожиданности: из зеркала на меня смотрело знакомое, но чужое лицо. Только через несколь-

ко минут я понял, в чём дело,—мои усы исчезли. Я пощупал рукой верхнюю губу и ощутил под рукой... усы! Но в зеркале они не отражались.

Я вернулся в класс, там никого не было, но шум стоял невообразимый. На доске была нарисована какая-то рожица. Кто-то, видимо, стирал рисунок, на нём появлялись мокрые тёмные полосы, мела на доске оставалось всё меньше, но ни ученика, ни его руки, ни тряпки я не видел. И вдруг где-то в воздухе появилась тряпка и мягко шлёпнулась об пол. Полежала секунду и снова исчезла. И опять кто-то начал торопливо стирать рисунок. Хлопали крышки парт, раздавались чьи-то голоса. Постепенно шум умолк, на партах появились тетради и учебники. И я решил, что у меня бред, что я заболел окончательно.

Наступила перемена. В учительскую вернулись товарищи, но все как-то странно смотрели на меня, точно не узнавая. Наконец молоденькая преподавательница пения взглянула на меня и всплеснула руками:

— Анатолий Петрович! А я вас сразу и не узнала. Где же ваши чудесные усы?

И тут я понял, что не брежу, а просто в школе происходят какие-то странные вещи. Тогда я пошёл к директору и рассказал ему обо всём случившемся. Он бы мне не поверил, но тут в кабинете появился пионервожатый Сеня. У него с головой случилось то же, что у меня с усами, зато он видит теперь всех — и тех, кто видимы, и тех, кто невидимы.

Вот уже две недели мы предпринимаем всяче-

ские меры, чтобы разыскать ребят, выяснить, в чём же дело, но пока безрезультатно. Вероятно, и сам я не стал невидимкой целиком, а заплатился только усами, потому что вовремя вышел из класса.

А. П. С и з ы х.

Лёня прочитал и остальные бумаги: акт о задержании вожатого Сени. Заявление самого Сени, копию решения педсовета 117-й школы. Он обратил внимание на одну из бумаг: она проливала на события хоть некоторый свет. Это были письма Вадима Смирнова и Паши Кашкина, оставленные родителям. Красным карандашом Василия Михайловича Логинова были подчёркнуты слова: «**ЗЕЛЕНОБОРОДЫЙ ВОЛШЕБНИК**», «**СТАЛИ НЕВИДИМКАМИ**». «**ИЗ МОСКВЫ НАПИШУ ПИСЬМО**».

— Вот что, товарищ Фомин,— сказал полковник,— этим делом займётесь вы. Человек вы молодой, любите романтические дела. Обо всех происшествиях в городе, которые прямо или косвенно могут касаться мальчиков-невидимок, сообщайте мне.

— Слушаюсь! — Лёня встал и вышел из кабинета.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,
в которой Маруся Логинова чудесным
образом спасается от беды

Днём Маруся с бабушкой всегда гуляли на Тверском бульваре. Сюда приезжала игротека Дворца пионеров, здесь была зелень и можно было лепить из песка морковные пирожки. Одно было

плохо — бабушка никуда не отпускала от себя Марусю, ни на шаг.

— Ты ещё маленькая, — говорила бабушка, — тебе всего ещё пять лет.

— И вовсе я большая, — говорила Маруся, — мне уже целых пять лет.

И каждая из них, конечно, была по-своему права.

Сегодня бабушка решила наконец закончить вязать носки для папы. Такое решение, если уж правду говорить, она принимала каждый раз. Но так хорошо на бульваре припекало солнышко, так мягко, приятно шумели деревья, что, едва принявшись за работу, бабушка опускала пряжу на колени, прислушивалась к звонким ребячьим голосам и, пригревшись на солнце, начинала клевать носом.

Так случилось и на этот раз.

А Маруся играла с девочками в пятнашки. Они бегали по дорожке мимо скамеек, на которых сидели серьёзные дяди с газетами в руках, а тётки читали книги, покачивая разноцветные колясочки, а взрослые девочки и мальчики спорили о чём-то таком важном, что нельзя было понять ни одного словечка.

И пока малыши бегали и шумели, бабушка спокойно дремала. Но как только прекратились беготня и крики, она сейчас же проснулась и позвала Марусю. Но Маруся не отзывалась.

— Маруся! — кричала бабушка. — Марусенька! Идём домой!

Но девочка не отвечала.

«Спряталась, наверное, — подумала бабушка. — Ну, сейчас явится».

— Маруся! Я ухожу! Слышишь? У-хо-жу!

Но Маруси не было, и бабушка разволновалась не на шутку. Она спустилась вниз по бульвару до самого памятника Тимирязеву, она заглядывала под скамейки, но безрезультатно. Мужчины были заняты газетами и собственными мыслями; мамы, кроме своих маленьких детей, ни на кого не обращали внимания. Никто не знал, куда делась беленькая кудрявая девочка с красным бантом на голове, в стоптанных сандалиях на босу ногу.

«Неужели,— бабушка даже похолодела от подобной мысли,— неужели Маруся ушла на Пушкинскую площадь?»

И старушка заторопилась вверх по бульвару.

На Пушкинской площади — столпотворение. Остановились автобусы, замерли троллейбусы, притихли даже юркие такси. А народу было столько, что бабушке еле удалось пробиться вперёд.

— Ой, беда! Ой, горюшко моё! — повторяла старушка, расталкивая любопытных. — Пустите! Пустите, там, наверное, с моей Марусенькой беда...

Наконец она пробралась в первые ряды толпы и действительно увидела Марусю: из конца в конец площади Маруся летала... по воздуху. Бабушка удивлённо заморгала, неожиданно всхлипнула, а немного придя в себя, закричала:

— Маруся, Марусенька, деточка, что с тобой?

— Бабушка! Бабушка! — испуганно заплакала девочка. Она резко развернулась в воздухе, остановилась поблизости, затем, дрыгая ногами и размахивая руками, опустилась рядом со старушкой.

И тут мальчишеский голос произнёс назидательно:

— НЕ РАЗРЕШАЙТЕ ДЕТЯМ ИГРАТЬ НА ПРОЕЗЖЕЙ ЧАСТИ...

— Марусенька! Да что же это такое?! — смеялась и плакала бабушка.

Двинулись машины, начали расходиться люди, толкуя между собой о чуде, которое только довелось им увидеть.

— Деточка, — бабушка взяла Марусю за руку, — ты же могла потерять сандалики!..

А что ещё могла сказать в эту минуту ошеломлённая старушка?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,
в которой каждый по-своему пытается
объяснить происшествие

Вы представляете, о чём говорил весь город целый день, целую ночь и ещё следующий день!

На большой перемене в школе ученики расспрашивали учителей.

В очереди в кассу Большого театра знатоки, у которых на всё всегда готов ответ, передавали подробности.

Городская вечерняя газета напечатала недоуменный вопрос одного из читателей и несколько ответов различных учёных.

Один известный медик писал в этой газете, что налицо поразительный случай массового гипноза, когда многочисленной толпе показалось, будто девочка летит, а на самом деле она просто шла по площади.

Второй учёный — физик — заявил, что всё это происки пришельцев из антимира. «Раз существует на земле тяжесть, — писал он, — значит, существует и антитяжесть. И, значит, лёгкое может стать тяжёлым, а тяжёлое, наоборот, стать легче пуха. Вероятно, сверхмощный поток лучей из мирового пространства пробил атмосферу и коснулся Земли как раз в районе Пушкинской площади», — предполагал он.

Писатель Диктантов, автор многочисленных научно-фантастических романов, уверял, что раз может летать птица, то может летать и человек. Для этого необходимы определённые, пока ещё неясные ему условия, при которых человек становится вдруг легче воздуха.

Количество писем в газету росло.

Вечерами, убаюкивая малышей, матери полусерьёзно, полужутливо спрашивали годовалых бутузов:

— А ты у меня не улетишь?

Какой-то священник проповедовал в церкви, что летающая девочка — доказательство того, что есть на небе бог. И кто-то ему поверил. Бывают же такие люди, которые верят всякой чепухе.

А в доме Логиновых — переполох. Собралось десятка два врачей. У Маруси пощупали пульс, измерили температуру, выслушали лёгкие и сердце.

Бабушку в десятый раз заставили рассказать всё, что произошло.

— Задремала я, по слабости, значит, а Маруся-то на площадь прямо, на площадь. Ну, я вижу, нет внучки нигде — и тоже на площадь. А на площади-то столповорот! Мильён людей, значит, и все вверх смотрят. Я глядь, а там Марусенька моя под самыми облаками, и летает, и летает. Мне, значит, ручонкой помашет, и летает себе. А потом вдруг и опустилась.

Развели доктора руками, посовещались, прописали девочке полный покой и решили прийти ещё завтра.

До самой ночи бабушка рассказывала соседям о происшествии, каждый раз прибавляя подробности и увеличивая высоту полёта. Мама не отходила от Маруси ни на шаг. И лишь Василий Михайлович чему-то улыбался.

— Ты бессердечный человек, — говорила мама. — А вдруг бы она улетела совсем?!

— Никуда бы она не улетела... — Василий Михайлович очень жалел, что не мог рассказать жене

о своих предположениях. Ничего не поделаешь —
служебная тайна. А полковники милиции тайну
хранить умеют.

Третье стихотворение
Вадима Смирнова

Строится дом.
Во дворе, на песке,
Мальчишка
С пластмассовой формой в руке.
Он тоже строитель,
Он тоже творец —
Он строит красивый
Песочный дворец.
В нём тысяча окон
И двести дверей.
Живёт в нём четыреста
Богатырей.
В песочном их городе
Всё из песка:
Дома и фонтаны,
И пруд, и река,
Песочного сыра
Большие круги,
В песочных квартирах
Пекут пироги.
Песочные горы,
Песочный овраг...
На город тайком
Надвигается враг.
Гроза переулка —
Степан Петухов,
Драчливей и злее,
Чем сто петухов.
Малыш на Степана
Глядит не дыша.
Степан подошёл
И толкнул малыша.
— Дворцам, — пошутил он, —

Отныне конец! —
И ногу занёс,
Чтоб разрушить дворец.
Тогда мы с Павлушей подходим.
И вот
Степан хоть силён,
А упал на живот.
Орёт и не может понять ничего:
Не видит он,
Кто ж это лупит его?
Собрался народ
И никак не поймёт:
Уж не лихорадка ли
Парня трясёт?
И я бы не смог бы
Закончить стихов,
Когда б не сбежал
Степан Петухов!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
*в которой рассказывается история
с пирожками*

Третий день у неё была нехватка. Уж кажется, как внимательно пересчитывала она пирожки, как зорко следила за каждым покупателем, а всё равно ежедневно не доставало ровно шести штук.

— Что за чертовщина?! — говорила соседке-продавщице Дарья Матвеевна. — И вчерась, и позавчерась, и третьего дни — шесть пирожков, как со сковородки на землю! Ты уж сегодня присмотри, чтобы в четыре глаза — оно сподручней.

Как всегда, они поставили плетёные, покрытые белыми накидками корзины на углу Чистопрудного бульвара и Кировской улицы — здесь поблизости и станция метро, и Главпочтамт, да и вообще

живой перекрёсток. Завидев лёгкий парок, проби-
вающийся из-под накидок, даже те, кто только что
пообедал, не могли утерпеть, чтобы не купить под-
жаристый капустный, а ещё того лучше — мясной
пирожок и тут же, застенчиво отвернувшись к сте-
не, не съесть его. Торговля всегда шла бойко, а се-
годня — особенно. Две лоточницы только успевали
получать пятаки и гривенники, поддевать на вил-
ку пышущий жаром пирожок, вручать его вместе
с кусочком бумаги покупателю, а уже появлял-
ся следующий, и даже накапливалась небольшая
очередь.

— А пирожок? — спросил вдруг у Дарьи
Матвеевны высокий темноволосый мужчина в се-
ром лёгком пальто.

— Какой пирожок? — удивилась Дарья
Матвеевна.

— Как — какой? Я вам десять копеек отдал?

— Отдали.

— Вы мне бумажку дали, салфетку?

— Дала! — уже обеспокоенно сказала лоточ-
ница.

— А пирожок?

— И пирожок вручила вам, гражданин! Как
не стыдно?!

— Это вам должно быть стыдно. Что же я его
за секунду съел?

— А! — с досадой вздохнула Дарья Матвеев-
на. — Начинается! — и протянула покупателю но-
вый пирожок.

И тут на глазах изумлённой публики, совсем
как в цирке на сеансе фокусов знаменитого Кио,
пирожок... исчез.

Обескураженная Дарья Матвеевна машиналь-

но схватила за кончик вилки, там она почувствовала что-то мягкое и тёплое. Пирожок! И хотя он был невидим, лоточница крепко держала пропажу, не разжимая руки. Она тянула пирожок к себе, а кто-то, таинственный и страшный, — к себе. Вилка давно упала. И публика начала хохотать: с выпученными от ужаса глазами продавщица крепко сжимала в кулаке воздух, боясь отвести взгляд от собственной руки.

— Во даёт! Во даёт! — в восторге кричал кто-то.

— Это вы, молодой человек, довели до такого состояния женщину! — возмутилась дама с волосами фиолетового цвета. — Съели свой пирожок — не мешайте другим!

— Глядите! Глядите! — перебил её тот же восторженный голос. — Появился! То не было, а то опять есть!

Действительно, в руке лоточницы появился пирожок. Только не целый, а половинка...

И тогда фиолетовая дама сказала ещё более возмущённо:

— Торговать, гражданка, надо, а не фокусы показывать!

В этот день Дарья Матвеевна недосчиталась шести пирожков, вернее, семи, потому что половинку она в испуге уронила на землю.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,
*в которой Лёня Фомин высказывает свои
соображения*

— Итак?

Этот вопрос задал полковник Логинов, едва Лёня переступил порог его кабинета.

Лёня уселся напротив и раскрыл тонкую коричневую папку, на обложке которой было написано: «Дело о мальчиках-невидимках Вадиме Смирнове и Павле Кашкине из Прибайкальска».

— Итак? — повторил свой вопрос Василий Михайлович.

— Пока не густо, товарищ полковник.— Лёня вынул из папки бумаги.— Я заинтересовался некоторыми случаями в Москве и вне Москвы. Уж не говорю о происшествии с вашей Марусей — это, несомненно, дело их рук. Но есть ещё несколько различных сообщений о странных случаях, которые не могли обойтись без участия невидимок. Во дворе одного из строящихся в Юго-Западном районе домов, например, был наказан непонятным образом хулиган Степан Петухов, который обижал малышей.

И Фомин рассказал подробно о случае, который вам уже известен из стихов Вадима Смирнова.

— Самое удивительное, что на хулигана,— улыбнулся Лёня,—это произвело потрясающее впечатление. Говорят, мальчик забросил теперь рогатки и изменил свои повадки.

— О! — засмеялся полковник Логинов.— Вы даже стихами заговорили.

— Заговоришь,— вздохнул Фомин.— Вот посмотрите-ка.

И он протянул полковнику тонкий листок, на обратной стороне смазанный клеем.

На листке было написано карандашом:

Учти, презренный Петухов,
Коль не совсем ты глуп,
Что из петушьих потрохов
Бывает жирный суп.
Коль волю дашь ты кулакам ...
Запомни: быть беде,
Опять получишь по бокам,
Как нынче.

П. и Д.

— Да, от такой угрозы задрожит не только трусливый Петухов, но и любой храбрец. Здорово!

— Но это не всё, товарищ полковник. Вот сообщение из Театра юного зрителя. Там шёл на днях спектакль о войне. В одной из сцен буржуины берут в плен Мальчиша-Кибальчиша. Под пытками они хотят заставить его выдать военную тайну. И в самый трагический момент, когда зал буквально бушевал, волнуясь за судьбу героя, на сцене произошло замешательство. Дело в том, что плётка палача, лежавшая на полу, вдруг взлетела в воздух и

начала изо всех сил хлестать актёра, исполняющего роль палача. Зал восторженно зааплодировал. Но занавес пришлось закрыть. Актриса, играющая Мальчиша, схватила плётку, отбросила её за кулисы и подбежала к пострадавшему. «Владимир Петрович! — закричала она. — Что с вами?! Я не могу понять, что случилось?» И тут они услышали смущённый голос: «Ой, извините, пожалуйста, мы просто забыли, что вы артист. Мы думали, вы и взаправду палач. Простите нас, пожалуйста...»

— Ничего не скажешь. Активные молодые люди, — усмехнулся полковник Логинов.

— Тут ещё десятка два сообщений об их поступках. И, знаете, молодцы — справедливые ребята!

— Гм... Справедливые... Да вы уж не влюбились ли в них заочно?

— А почему бы не влюбиться? Здесь они привели заблудившегося малыша домой, там — помогли поймать карманника. Тот бросился было бежать от милиционера, а бежать-то не может...

— А вы подумали, Лёня, о пище?

— О какой пище?

— Ну, о том, что едят наши невидимки? Это ведь, как ни крути, воровство...

— Они же это делают не сознательно.

— То-то и оно, что не сознательно. Знаешь, в детстве я тоже мечтал стать невидимкой. Что смеёшься? Правда. Очень уж мне хотелось пробраться в кондитерский магазин и съесть все пирожные сразу... Трудно жили мы в ту пору — какой-нибудь леденец был пределом мечтаний. А тут — сразу все пирожные. Соблазнительно, согласишься...

— Пожалуй...

— Вот-вот, и не понимал я тогда, что это и есть кража...

Утром на углу Чистопрудного бульвара и улицы Кирова на щите, где милиция обычно сообщала о нарушителях уличного движения и вывешивала фотоснимки различных аварий, появилось написанное крупными чёрными буквами объявление:

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД!

Слушается дело гражданки

ПЕТУХОВОЙ ДАРЬИ МАТВЕЕВНЫ,

обвиняемой в растрате государственных денег.

Начало в шесть часов вечера.

Вход свободный.

Общественный обвинитель Л. Фомин.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой штаб невидимок отдаёт первое распоряжение

С утра Василий Михайлович, как всегда, просматривал письма. Сегодня поступили ответы на несколько запросов в разные концы страны, есть новая корреспонденция из Прибайкальска.

«...На ваш запрос Якутское областное управление милиции сообщает:

Недавно на самолёт, направляющийся с грузом на одну из станций «Северный полюс», проник каким-то образом мальчик. Личность его установить не удалось, так как оказалось, что этот пассажир

невидим. Его наличие обнаружилось уже при посадке на льдину. Все члены экспедиции были поражены, когда прямо перед их глазами из воздуха появился красивый бордовый альбом с видами города Прибайкальска и мальчишеский голос прозвучал:

— Привет отважным полярникам от учеников 117-й школы сибирского города Прибайкальска.

— А ты кто такой?

— Я? Невидимка Колька Спиридонов.

— Будешь с нами обедать?

— Ещё как буду!..

Николай Спиридонов доставлен в город Прибайкальск, в штаб невидимок».

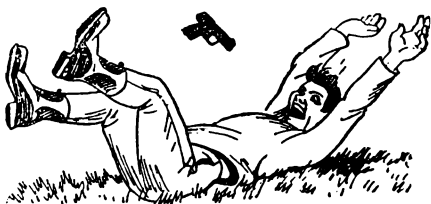
«...Неподалёку от станции Осиновка,— говорилось в другом письме,— на строительстве Братской ГЭС неожиданно вспыхнул огонь в тайге. Члены добровольного пожарного общества бросились к щитам с противопожарным инвентарём. На одном из щитов не хватало огнетушителя. Каково же было удивление пожарных, когда на месте происшествия был обнаружен огнетушитель, который сам по себе, без участия человека, заливал огонь, не давая пламени разрастись... На помощь пожарным пришли строители. Огонь был ликвидирован, и до самого конца воевал с огнём огнетушитель-автомат. Инженеры считают, что это самоуправляющаяся кибернетическая машина. Единственная странность, заставляющая нас направить это сообщение вам, состоит в том, что огнетушитель всё время кричал:

— Ах, ты так, тогда я тебя вот так!»

«...На пограничной заставе, в горах, недавно произошёл случай, который может вас заинтересовать,— сообщалось в третьем.— Командованию заставы стало известно, что в один из ближайших дней готовится переход вражескими диверсантами границы. Были усилены дозоры. Бойцы-пограничники ещё более бдительно несли охрану своих участков. В ночь на субботу погода выдалась ненастная. Туман лёг на горы. Видимость стала совсем плохой — в двух шагах не различишь дерева. Был отдан приказ: усилить посты.

И не зря. На рассвете раздались выстрелы. Отряд конников умчался туда, где слышалась стрельба. Туман редел, смутно проступали уже мокрые деревья, влажная земля тускло поблёскивала. Тяжело раненный пограничник указал направление, в котором скрылся враг. Раненого увезли, отряд двигался по лесу. След вёл в глубокое, глухое ущелье. На дне его тяжело ворочалась река. Если враг побредёт по воде — найти его будет трудно. Конники спешили. Проводник с собакой пошёл впереди. Все обратили внимание, что рядом со следом тяжёлых мужских сапог тянется след детских ботинок. «Откуда взялся ребёнок?» — ломали себе голову бойцы. А след рассказывал им всё, что происходило здесь несколькими минутами раньше. Вот мальчик — судя по всему, это был мальчик — присел и схватил шпиона за ногу. Тот плюхнулся и, вероятно, расшиб голову — на камне остался след крови. Вот мальчик подставил ему подножку, и враг свалился в довольно глубокий ров. Странным казалось, что диверсант не видит своего преследователя. Ага, вот тут он уже гнался за мальчиком, а тот кружил между деревьями.

Вдруг следы обвалились. И тогда все увидели, что на камнях лежит измученный мужчина со свирепым лицом и держит руки над головой.

— Держи, держи, а то выстрелю! — раздался за деревом детский голос, хотя никто не видел говорящего.

— Не мучь маленьких! — громко сказал, выходя из кустов, командир отряда. — Взять его! — приказал он бойцам.

— Ой, спасите! — закричал вдруг юный пограничник.

— Что с тобой? Где ты? — спросили бойцы. — Подумать, как здорово замаскировался!

— Мне страшно!

— Не бойся! Теперь он тебе ничего не сделает.

— Да я не его боюсь, я лягушку...

— Что же ты за парень, — засмеялись пограничники, — если лягушек боишься?

— А я не парень. Я Вера... Вера Сокольниковна из 117-й школы города Прибайкальска.

— А почему ты от нас прячешься?

— А я не прячусь вовсе. Я просто невидимка...

*Рассказ пограничника записал
редактор многотиражной газеты „На рубеже“
Виктор Мелентьев“.*

«...Дорогой Василий Михайлович!

Большое спасибо вам и за внимательность, и за все те меры, которые принимаете вы, чтобы отыс-

кать наших бродяг. А главное — спасибо за письмо, где вы рассказали нам кое-что о наших ребятах. Родители продолжают атаковать школу, и каждая, даже самая малая весточка, полученная о невидимках, для нас очень важна.

Наш старший пионервожатый Сеня, как его теперь зовут в городе — «Всадник без головы», оказался на редкость сообразительным, умнейшим парнем. Он один из немногих не растерялся, не поддавался панике, а тотчас же извлёк все выгоды — в хорошем смысле — из своего печального положения. Дело в том, что в отличие от нас он видит невидимок, поэтому может легко ими командовать. Он собирает их в классе, мы даже пытаемся наладить учёбу с ними. Кажется, получается неплохо, хотя класс и не в полном составе. Отказалась от работы с невидимками только Гипотенуза Сергеевна. «Мистика, говорит, не могу, когда мистика». А Сеня создал штаб невидимок, и они вершат в городе большие дела. Они объявили борьбу хулиганам, и те сейчас притихли: кто его знает, не находятся ли рядом невидимки? Посылаю вам копию «Приказа по штабу невидимок»:

Всем! Всем! Всем!

Мы — отряд невидимок 5-го «В» класса 117-й школы — объявляем борьбу всем хулиганам города. Каждый, кто обидит малыша в школе и на улице, каждый, кто нарушит правила поведения в общественных местах, каждый, кто проявит грубость, будет строго наказан. Мы, невидимки, можем оказаться всюду. Граждане, будьте взаимно вежливы!

Штаб невидимок.

Материалов было много. Прочитав их, полковник Логинов вызвал Лёню, передал ему письма, посоветовал сообщить в Прибайкальск о местонахождении ребят и послать соответствующим отделениям милиции материалы «о принятии мер к возвращению детей домой».

— А что мы будем делать с Димкой и Павлом? — Василий Михайлович взглянул на лейтенанта.

— У меня есть одна мысль по этому поводу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,
*о том, где спят поезда метро и кто спит
в поездах метро*

Засыпает город. Даже поезда метро уходят спать. Устало гудят их натруженные за день ноги. В пустых вагонах гуляют ветерки. Поезда, не останавливаясь, пролетают мимо станций и, собравшись все вместе, затихают до утра.

И каждую ночь к ним приходят слесари, чтобы осмотреть и, если надо, починить.

— Послушай, Тимофей Митрофанович, не слышишь ты какого шума?

Пожилой слесарь заглянул в дверь одного из вагонов.

— Да вроде кто-то ходил внутри, — ответил ему второй и тоже заглянул в дверь.

— А знаешь, Сергей Николаевич, мне послышался голос, такой писклявенький. Иль показалось?

— Может, и показалось. А надо заявить начальнику. Я давеча слышал, Тимофей Митрофано-

вич, будто спорят мальчишки какие-то в вагоне. Заглянул, а там никого. Голоса, однако же, слышать. Ну, я зашёл в вагон, для храбрости кашлянул и, значит, пошёл на голоса. А они возьми да и смолкни. Ищу, значит, руками развожу, шарю кругом. Чувствую, мимо меня пробежал кто-то. Ногами-то хоть и потихоньку, а так, значит: топ, топ, топ... Чего бы это могло быть? А, Тимофеем Митрофанович? Просто ума не приложу!

— Одно слово, дело подозрительное. Ты уж подежурь, а я пойду позвоню в милицию. Так-то оно вернее.

А тем временем наши друзья укладывались спать. Они легли на мягкие тёмно-коричневые диваны, положив под головы ладони.

— Генеральская постель,— сказал Паша, потягиваясь.— На таком диване, наверное, спит только персидский шах. Да и то по праздникам.

— Ладно, ладно, персидский шах, спи.

— Что-то в последнее время ты задумчивый стал какой. Прямо на глазах умнееешь.

— Задумаешься. Вот голова садовая! Я ведь не знаю, как снова стать видимым.

— А этот, с зелёной бородой, так и не сказал?

— Да в том-то и дело, что я не догадался всё выспросить. Не поверил, понимаешь, что могут быть волшебные галоши, а теперь вот...

— Так... значит,— заикаясь, пролепетал Паша,— значит, мы теперь на всю жизнь невидимки?

— Выходит, что так. Надо искать выход, а как его найдёшь?

Павлик на минуту задумался.

— А может, вымазаться сажей и стать чёрными, как негры,— сказал он.— Это даже интересно.

Здравствуйте, негр Димка! Здравствуйте, негр Паша! О'кей!

— Обрадовался. Вот у тебя руки грязные, а их всё равно не видно. Ничего нам не поможет. Ничего!

Димка повернулся на бок, чтобы взглянуть на Пашу, и увидел под диваном брошенную кем-то газету.

Он стал проглядывать её и сразу же обратил внимание на сообщение в отделе происшествий.

— Послушай, Павлик, что здесь пишется! — закричал он и, запинаясь, стал читать: — «На днях два ученика Прибайкальской школы № 117 Вадим Смирнов и Павел Кашкин, рискуя жизнью, спасли из-под машины пятилетнюю девочку Марусю Логинову. Московское городское управление наградило отважных пионеров ценными подарками. Лиц, знающих местонахождение ребят, просят сообщить им, что премию можно получить в городском отделе милиции по адресу...»

Павлик даже остолбенел от изумления.

— Вот это да! — сказал он. — Ценные подарки! Интересно бы знать: какие?

— Ну чему ты обрадовался?

— Как — чему? — удивился Паша. — А ты разве не рад?

Димка сокрушённо покачал головой.

— А откуда они знают наши фамилии? Нет, тут что-то не то...

Утром они, как всегда, вышли из метро на площади у Главпочтамта. На углу Кировской и Чистопрудного бульвара было тихо, не толпились вечно куда-то спешащие москвичи и приезжие. Неви-

димки поняли причину этого, только подойдя поближе: лоточниц, которые всегда торговали здесь пирожками, не было. На стене висело объявление:

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД!

Слушается дело гражданки

ПЕТУХОВОЙ ДАРЬИ МАТВЕЕВНЫ,

обвиняемой в растрате государственных денег.

Начало в шесть часов вечера.

Вход свободный.

Общественный обвинитель Л. Фомин.

У объявления остановилась фиолетовая дама,— ребята сразу узнали её. Она прочитала объявление и всплеснула руками.

— Боже мой! Каким людям доверяют торговлю пирожками!

— Ну, знаете ли,— возмутился молодой человек в сером пальто.— Это вы уж слишком!

Димка почувствовал, как сердце у него оборвалось в груди и покатилося куда-то далеко-далеко вниз...

— Паш! Понял, в чём дело?

— А что же делать? Её арестуют за это?

— Идём.

— Страшно, Димка...

— А пироги есть не страшно было? Раз виноваты — надо идти.

— Как же идти? Ведь милиция теперь знает наши фамилии. Тут нам награду дают за благородный поступок, а тут ещё накажут за пирожки.

— Что же поделаешь, всё равно надо идти.

Первым они увидели Стёпку-драчуна. На его зарёванном лице размазана грязь. И совсем он, ну ни капельки, не похож на «грозу переулка», предводителя хулиганов. Он стоял, шмыгая носом, а вокруг носились ребятишки, те, кого он совсем недавно одним щелчком мог заставить примолкнуть. Они носились вокруг и во весь голос орали:

Петухов, Петушков,
Слопал сто пирожков!

Друзья разогнали мальчишек и совершенно неожиданно узнали, что Стёпка — сын той самой Дарьи Матвеевны, которую будут судить. И на душе у них стало совсем скверно. Ну чем они лучше этого Стёпки, которого они отколотили и которому написали «грозную» записку. Ну чем они лучше? Он, Стёпка, ведь никого под суд не подвёл.

Зал гудел. У стола судьи стояла лоточница, та самая, что всегда торговала пирожками рядом с Петуховой. Она рассказывала:

— Вот уже пять лет мы торгуем вместе, всегда доверяем друг другу, и ни разу не случилось, чтобы, между прочим, была недостача. И Дарью я давно знаю, честный, между прочим, человек. И всё, что случилось, дело-то нечистое. Вот мы с ней, с Дарьей, вышли на днях на точку. Она мне и говорит: «Что-то не такое, говорит, происходит, потому что, между прочим, пирожки каждый день пропадают, и ни много ни мало, а по шести штук в сутки. Понаблюдай, говорит, а то, может, я чего не так делаю...» Пронаблюдала я: гляжу, человек подходит, чернявый весь, в пальто в сером. И на что, думаю, человеку пальто в такую жару. А он, между прочим, каждый день покупает с утра по

два пирожка, да в обед два, да вечером два. То у неё, между прочим, а то, значит, у меня. Вот, думаю, точно всё как совпадает: шесть пирожков у Дарьи пропадает, и шесть покупает этот тип в сером пальто...

— Гражданочка, нельзя ли выбирать выражения? — спросил кто-то из зала.

Все оглянулись: у окна, положив локоть на подоконник, сидел молодой человек в сером пальто. Лоточница поперхнулась и продолжала, но уже значительно спокойней:

— Ну и вот... Гляжу я на него, значит, внимательно. А он заплатил деньги. Дарья, между прочим, подала ему пирожок, положила на лоток, а он так посмотрел на этот пирожок, ну ровно бы фокусник в цирке, а пирожок вдруг — хлоп! — и нету его. А он и кричит, значит: где же пирожок, мол? А сам его небось давно в карман засунул. Так что Дарья-то, между прочим, не виновата.

— Как же не виновата?! Как же не виновата, я вас спрашиваю?! — вскочила со своего места фиолетовая дама. Она тоже была здесь.— Я сама собственноручно видела, как лоточница припрятала половину пирожка.

— Выйдите к столу и расскажите,— сказал судья.

— Я? К столу? Нет уж, увольте. Я лучше с места.

— Ну хорошо, с места так с места,— сказал Лёня Фомин — общественный обвинитель.— Но скажите свою фамилию.

— Зачем?

— Как — зачем? Мы же должны в протоколе записать ваше выступление.

— Какое выступление? Какое выступление? Разве я выступала? Разве я что-нибудь сказала? Да я сижу и молчу как рыба. Нет, что за люди! Зайти посидеть нельзя. Обязательно что-нибудь на тебя наговорят! Я уйду.

И она стала протискиваться к выходу.

— Тогда, может быть, вы нам что-либо скажете? — обратился судья к молодому человеку в сером пальто.

— Скажу. Мне кажется, конечно, если я не ошибаюсь, что тут замешаны, если я не ошибаюсь, какие-то неведомые нам силы...

По залу прокатился смех.

— А смеётесь вы, если я не ошибаюсь, зря! Зря! Я сам видел, как исчез, как стал невидимым пирожок на лотке у гражданки Петуховой, как она потом схватилась за воздух и в её руке, если я не ошибаюсь, появилась половинка пирожка.

Смех в зале не прекращался. Судья поднял руку. Все смолкли.

— Послушайте, гражданин, извините, как ваша фамилия?..

— Семиструнов.

— Послушайте, гражданин Семиструнов, здесь собрались люди по серьёзному поводу, а вы строите из себя шута... Нехорошо!

— Я могу и помолчать.— И молодой человек в сером пальто сел на своё место.

Лёня Фомин укоризненно взглянул на судью. И попросил:

— Мне бы хотелось, чтобы товарищу Семиструнову дали возможность договорить.

— Я, если я не ошибаюсь, сказал всё. Кроме одного. Мне кажется, что случай с пирожками свя-

зан с историей о летающей девочке. А если это так, то, если я не ошибаюсь, в нашем городе действуют невидимки. Это самое естественное объяснение не-скольким известным мне фактам.

— Что за глупости! — закричала уже где-то у самого выхода фиолетовая дама. — Какие невидимки! Зачем вводить всех в заблуждение?

— В заблуждение? — спокойно сказал молодой человек в сером пальто. Затем он вынул из кармана чёрный пузырёк, выпил из него какую-то жидкость и после этого поспешно стал снимать пальто.

Мальчики видели, как широко раскрылись рты у всех присутствующих, а фиолетовая дама выбежала на улицу с криком:

— Ой, мамочка, мама!

Между тем молодой человек исчез. На спинке стула осталось только его серое лёгкое пальто. Однако не улеглось ещё волнение в зале, прошло всего каких-то две минуты, как на том же месте снова появился молодой человек, одетый в серое пальто.

Зал онемел от волнения. Невозмутимым остался только судья.

— Ваши фокусы, — сказал он, — ещё ничего не доказывают. Разве только, что вы и есть главный виновник всего, что произошло.

— Вы хотите сказать, что я, если не ошибаюсь, имею какое-то отношение к исчезновению пирожков?

— Не знаю... Пока не знаю! Но в одном я твёрдо уверен: невидимок на свете не бывает...

И тогда в зале раздался взволнованный мальчишеский голос:

— Как не бывает? А мы?

Это, без всякого сомнения, крикнул Димка, и вслед за ним раздался другой голос:

— Это мы во всём виноваты!

И так же несомненно, что это был голос Павлика.

Публика оглядывалась, недоумевая: откуда же это идут голоса? А Паша и Димка пробрались на сцену и, перебивая друг друга, рассказали оторопевшему залу, что это они — Паша Кашкин и Вадим Смирнов — заслужили сегодня наказание.

— Позвольте,— сказал тогда Лёня Фомин, сощутив глаза, словно бы видел кого-то перед собой.— Уж не те ли вы ребята, что спасли от несчастного случая Марусю Логинову?

— Мы,— упавшим голосом сказал Димка.

— Тогда почему не зайдёте в милицию за наградой?

— Какая там награда,— уныло сказал Паша.— Мы ещё не расплатились за сто восемьдесят пирожков...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,
*о том, что голод — не тётка, а Кузька
очень похож на Зеленобородого*

Тимофей Митрофанович и Сергей Николаевич — слесари парка электропоездов метро — с некоторых пор стали задерживаться на работе позже обычного. Оба сухощавые, невысокие, они походили на братьев. Только один — Тимофей Митрофанович — чуть постарше и чуть повыше, а второй — Сергей Николаевич — помоложе, поживее.

— Чего это они по ночам шарят в поездах? —

удивлялись их товарищи по работе.— Никак, ищут клад в кожаных диванах?

И, встречая дружков, подмигивая, спрашивали:

— Ну как? Ещё не нашли?

— Да пока нет...— смущённо говорил Тимофей Митрофанович и косился на шагающего рядом парника.— Ты, поди, разболтал? — строго спрашивал он, когда они оставались одни.

— Да ты что,— обижался Сергей Николаевич.— Я думал, это ты не вытерпел...

Подозрительных разговоров в электропоездах с той памятной ночи им не довелось слышать, но зато среди работников метро разговоров было хоть отбавляй. Кто-то из депо побывал на суде, и об истории с пирожками знали все без исключения.

Друзья каждую ночь обходили вагоны, ведя производственные разговоры. Чтобы не спугнуть невидимок, они делали вид, что тщательно осматривают состояние обшивки на сиденьях. Но всё безрезультатно: невидимок, о которых под большим секретом неделю назад рассказали им в милиции, не было. Как в воду канули.

Однажды, устав после тщательных и безрезультатных поисков, искатели «клада» присели на коричневый диван.

— Знаешь, Тимофей, какая мысль у меня вот уже несколько дней не выходит из головы?

— Ну?

— А ведь мы, должно быть, вспугнули птичек, и они теперь, может, спят себе спокойным сном... на другой линии.

— Правда твоя, Сергей. Ну конечно, спят они

сейчас, милые голубчики, да над нами посмеиваются: тоже, мол, сыщики в метро нашлись!

— Я вот что думаю: не сообщить ли об этом в милицию?

— Да, пожалуй, надо...

Слесари вышли из вагона и вдруг остановились: в соседнем поезде слышались знакомые голоса.

— Ты вот что,— шёпотом сказал Тимофей Митрофанович,— беги звонить, а я тут покараулю.

Он подошёл поближе к окну, из которого слышался довольно громкий разговор.

— Так он и не пришёл?

— Нет. Целый день простоял я там на углу — всё без толку.

— Понимаешь, мне кажется, что этот человек в сером пальто и есть Зеленобородый. Значит, надо следить.

— А как же он в Москве оказался?

— Вот этого-то я и не знаю. Но ведь раз он волшебник, значит, он, наверное, может как-нибудь передвигаться. А если даже не он — всё равно этот парень должен знать секрет: как из невидимок стать видимками. Помнишь, как он ловко из пухляка что-то выпил — и готово!

— Что же мы будем теперь делать? Есть хочется страшно. Хоть бы хлебца маленько... Может, домой нам поехать?

— Как же уехать, если Зеленобородый где-то здесь. Без него мы пропали. А потом, что мы скажем ребятам? Ведь это я их превратил в невидимок. И как это меня угораздило?

— Да, пожалуй...

— И потом, ещё эти пирожки...

— Я уже подсчитал, нам нужно восемнадцать рублей, чтобы отдать долг Дарье Матвеевне.

— Стоп! Нас, кажется, подслушивают...

Тимофей Митрофанович, который приблизился к окну настолько, что его заметили, торопливо отскочил назад. Но было уже поздно.

— Паша! Надо уходить. Это что-то подозрительное.

— Хлопцы! — взволнованно сказал тогда слесарь. — Дело вот какое. Ваши родители беспокоятся о вас. Они прислали письмо в Москву, просят, значит, помочь найти Вадима Смирнова и Павла Кашкина. Это ведь вы, не правда ли? Вот я вам скажу сейчас приметы: Вадим Смирнов, ученик пятого класса, одиннадцати лет, волосы русые...

— Похоже, что я.

— Вот видите. Глаза серые есть?

— Есть.

— Нос прямой, над верхней губой родинка есть?

— Есть.

— Ну вот видите! Теперь Кашкин Павел. Волосы рыжеватые, глаза светло-карие...

— Кажется, есть.

— Рот большой, нос чуть вздёрнутый...

— Одну минуточку. Димка, у меня, что, и вправду большой рот? Нет, здесь ошибка. Что значит большой рот? У меня самый нормальный, можете посмотреть сами.

— А нос чуть вздёрнутый и подбородок круглый? — уже менее уверенным тоном спросил Тимофей Митрофанович. — Это есть?

— Так точно! Всё на месте!

— Вы тут вот, хлопчики, горевали о еде. Может,

поедем ко мне? Поедите, поспите как полагается, досыта. А? Я живу за городом. Может, слышали — Расторгуево? От Павелецкого вокзала рукой подать. Не слышали? Ну ничего, что не слышали. Стало быть, у вас всё впереди.

— Спасибо вам, но только нам нельзя к вам ехать.

— Почему же?

— А вы нас отправите в милицию.

— Зачем же обязательно в милицию? А потом, если вы люди честные, так чего вам милиции бояться? Она, наоборот, помочь в беде может. Это не про вас ли пропечатали в газете, что вроде девчонку из-под машины спасли, Марусю Логинову?

— Было такое.

— Ну вот видите,—оживился слесарь.—А ведь она, Марусенька, начальнику городского-то управления милиции дочкой приходится. Полковнику Логинову. Вот оно как. Так что в случае чего прямо к Логинову, Василию Михайловичу. Он уж вас в обиду не даст.

— А далеко это Расторгуево?

— Дом-то мой? Да нет, недалечко. Минут сорок езды. А то и меньше.

— Может, поедem, а, Димка?

— Ну хорошо. Мы поедem. Спасибо вам большое.

Сергей Николаевич вернулся через несколько минут и застал своего напарника в обществе ребят. Об этом можно было догадаться по оживлённому разговору, который слышался из вагона.

— Значит, вы были знакомы с Зеленобородым? — с недоверием спрашивал мальчишеский голос.

— Да вот так, как сейчас с тобой разговариваю, так разговаривал с ним.

— Вот здорово! Нам, Димка, просто повезло!

— Всё равно до утра ждать электрички. Может, расскажете нам про Зеленобородого? — попросил Вадим.

— Ну что ж, это можно, — согласился Тимофей Митрофанович. — Благо времечко есть. Отчего и не вспомнить, что было да чего и не было.

Старик почесал в затылке, хитро улыбнулся — одними глазами — и начал издалека...

ПЕРВАЯ ЛЕГЕНДА О СТАРИКЕ ОЗОРНИКЕ

Давно это было, недавно ли, а может, и совсем не было — кто знает. А только жил да поживал на свете паренёк один. Кузьмой его звали. Ну, кто и Кузькой назовёт — тоже не обижался. Он ведь сам-то любого мог обозвать как угодно. Озорник был — свет таких не видывал. Бывало, девчонки на вечерку соберутся, а он чёртом обрядится да и давай их за косы-то дёргать. Другая и знает, что это Кузька развлекается — да всё одно страшно. Чёрт — чёрт и есть. Верили тогда люди во всякую чепуху.

Ну, завтра, конечно, все срамят, проклинают Кузьку, а он нет чтобы повиниться, исправиться там. Он ещё какую проказу выдумает, да похлеще первой. То двух коров хвостами свяжет и стеганёт их крапивой, то скамейку подпилит: сядут на неё старухи посумерничать — хлоп на землю. Одним словом, озорник, и только.

Ничего сделать не могли с ним. Собрались раз старики и промеж собой говорят: «Надо, мол, его

проучить разок-другой. Да так проучить, чтоб он озоровать-то бросил». Долго думали. День думали. Ночь думали. Ещё ночь с днём прихватили. И придумали наконец.

Вот однажды Кузьма снова пришёл на вечерку, распугал девчат. А одна не боится его вроде. Стоит себе, семечки пощёлкивает. Кузька даже удивился, что за смелая за такая. Вот я тебя, мол, крапивой сейчас. Сорвал крапивы да к ней, значит. Да и очутился в яме. Бился он, бился, а выбраться не может. Ну, ночью кое-как вылез, ушёл домой.

А только учёба-то впрок ему не пошла. Хуже прежнего стал шуметь

по селу, девушке этой просто проходу не даёт. Однажды поймал да и привязал косами за дерево. А в одном доме окна и двери ночью заколотил. Люди выйти хотят, а не тут-то было.

Разозлились люди на озорника — сил нет. Снова собрались старики. День с ночью думали, ещё день с ночью, да ещё третьи сутки прихватили. И придумали наказание Кузьке. Поймали его всем селом вечером, в мешок завязали да и понесли на берег озера. У нас за селом озеро широкое, берега круты. Я ведь сам-то родом тоже из Сибири. Вот бросили Кузьку в озеро и пошли. Пришли домой и говорят: «Ну, всё! Был Кузька — да не стало. Некому больше озоровать».

А Кузька-то, верите не верите, лежит себе на дне озера и думает: «Куда это я попал?» Выбраться из мешка всё же не может. Чувствует, худо дело. Сперва было катался, бился, потом примолк. Вдруг слышит рядом снаружи голос, хитрый, старушечий:

— Что, сынок, попался?

— Попался так попался,— отвечает Кузька.

— Хочешь, выручу?

— Хочу.

— Только уговор: за выручку ты отдашь то, что у тебя есть, а я тебе — то, чего у тебя нету.

— Ладно,— согласился Кузька, а сам подумал: «У меня в карманах ничего вроде ценного нет, а у старухи и подавно. Так что баш на баш и выйдет. Да и обмануть старуху завсегда можно».

Исчезла старушка. А Кузька всё лежит в мешке да лежит. Час прошёл, другой, третий пошёл. Кузьке тошней тошного стало.

Вдруг опять голос снаружи:

— Лежишь?

— Лежу. А ты что не выполнила обещание? Развязывай мешок скорее, старуха!

— Я, во-первых, не старуха, а во-вторых, это обещала тебе моя бабушка.

— Ну, всё равно развязывай! Бабушка — дедушка!

— Давай сперва меняться.

— Опять меняться! Обалдели вы все, что ли?! Хватит! Развязывай, говорю!

— Ну, не хочешь — не надо. Лежи себе.

— Эй, эй! Постой! Чего торопишься? Не даёт человеку подумать. Ну, куда ни шло — давай меняться, только выпусти меня отсюда.

— Ладно, выпущу, только отдай мне то, что у тебя есть, а я тебе то, чего у тебя нет.

— Согласен.

И снова никого. «Что за чудеса? — думает Кузька. — Видимо, что-то у меня есть самое дорогое, ради чего они все стараются. Только что?» Думал, думал — ничего не придумал. Ан, вот опять кто-то подошёл. Али подплыл? Не может ничего понять Кузька.

— Значит, меняешь? — Голос опять новый.

— Да, меняю, меняю! Вот привязались!

— А что на что меняешь?

— Будто не знаешь: что есть на то, чего нету.

В ту самую минуту мешок и раскрылся. Вылез Кузька и видит: вода кругом — спереди, сзади, сверху. А снизу дно, усеянное мелкими камнями. И висят прямо перед ним в воде три тёмные тени. Вот одна опустилась на дно и превратилась в старуху. Из ушей и носа её торчал мох, морщинистое лицо было похоже на кожуру грецкого ореха.

— А, золотой, молодой! — с ехидной улыбкой сказала водяная старуха. — Отдавай, что обещал.

— А я и не отказываюсь. — И Кузька выворотил карманы. — Бери что хочешь!

Старуха злобно засмеялась:

— Хитришь! Зачем мне всякое барахло! Молодость-то у тебя есть, а старости-то нет! Вот и подавай мне свою молодость, забирай мою старость.

— Э, нет, — сказал Кузька, укладывая в карман своё добро. — Так дело не пойдёт!

И вдруг голос его стал хриплым, старческим, а старуха расправила плечи и стала молодой красавицей со злым взглядом зелёных глаз. Кузька взглянул на её зеленовато-белые руки, которые стали теперь гладкими и нежными, а потом на свои и вскрикнул. Кожа на его руках обвисла и сморщилась. Поясницу заломило, скрючило ноги.

Тут опустилась вниз вторая тень — это был огромный чёрный таймень.

— Ну, Кузьма Озёрович, давай меняться.

Кузька похолодел.

— Хватит, — несмело сказал он. — Я уже отдал всё самое дорогое, что у меня было, — молодость свою отдал.

— Нет, милый дружок, не всё. И не самое дорогое. Есть у тебя человеческий облик, а нет облика рыбьего. Отдавай мне человеческий, забирай себе рыбий.

Открыл Кузька рот, чтобы ответить, а вылетел изо рта только писк. Хотел Кузька руками взмахнуть, а вместо рук у него плавники. А таймень превратился в молодого красавца со злым взглядом зелёных глаз.

— Пойдём, дорогая, — сказал он бывшей стару-

хе очень любезно.— Мы тысячу лет ожидали этого дурака.

Кузька что-то кричал, бил хвостом и успокоился только тогда, когда кто-то постучал ему в бок, Кузька оглянулся. Рядом с ним плавал малюсенький плешивый старичок:

— Эгей, Кузька! Ты со мной ещё не рассчитался!

— Да у меня же забрали всё,— запищал Кузька и заплакал. И слёз его не было видно — кругом вода.

— Нет, не всё,— захихикал старик.— Не всё, не всё! У тебя ещё остался твой длинный рост. Теперь он тебе не нужен. Какая разница: будешь ты большой рыбой или маленькой? А в обмен я сделаю тебя волшебником.

— Ну хорошо,— согласился Кузька.— Давай меняться...

Тимофей Митрофанович умолк.

— А дальше, дедушка, а дальше?

— А дальше будет в следующий раз,— ответил чей-то незнакомый голос.

Мальчики оглянулись: в дверях вагона стоял лейтенант милиции. Это был Лёня Фомин.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,
*в которой милиционер Степан Аванесов
проявляет бдительность*

— Значит, отправились ночевать в Расторгуево?

— Так точно, товарищ полковник.

— И обещали сегодня к вечеру быть здесь?

— Так точно, товарищ полковник.

— Где же они?

— Не знаю, товарищ полковник. Может быть, дождь их задержал. Вон как хлещет.

— Да, дождина... И всё же они должны были выполнить обещание. Может быть, они боятся?

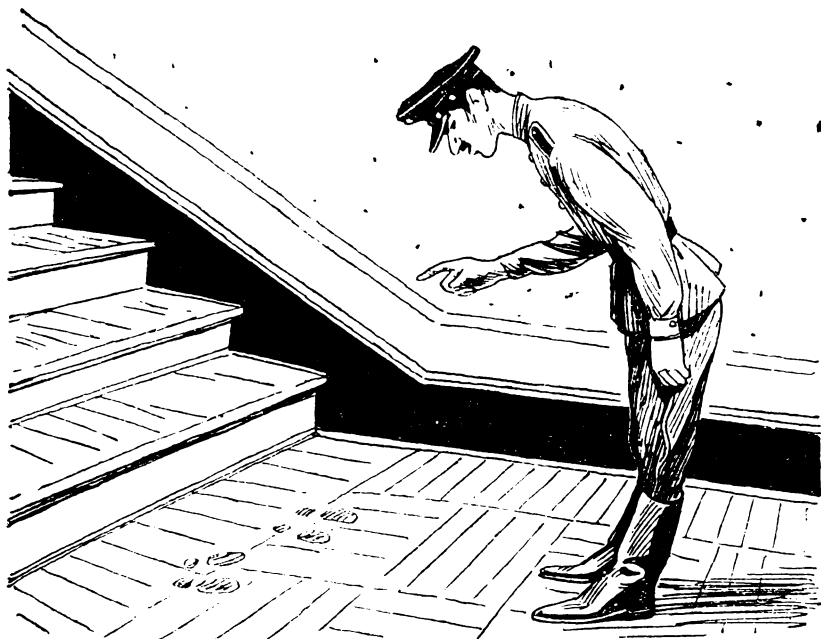
— Чего? Я же им объяснил, что милиция награждает их за спасение девочки денежной премией в двадцать рублей каждого. Если б вы видели, как они обрадовались!

— Увидели? Разве их можно увидеть?

— Да нет, это я к слову. Но можно же почувствовать, как они обрадовались. Зашумели, запрыгали, закричали: «Ура, мы спасены!»

— Всё это хорошо, но где же они, где Вадим Смирнов, ученик пятого класса, волосы русые, нос прямой? Где Паша Кашкин, главный любитель пирожков? Где?..

...В этот дождливый вечер в городском управлении милиции стоял на посту у входа молодой милиционер Степан Аванесов, только что вернувшийся из отпуска. Он был человеком исполнительным и добросовестным и втайне мечтал стать когда-нибудь знаменитым следователем. Эта идея увлекла Степана Аванесова ещё с детства, когда он прочитал две затрёпанные рваные книги с замусоленными страницами — «Приключения Шерлока Холмса» и «Рассказы майора Пронина». Кто из этих знаменитых детективов больше всего пришёлся по душе Степану, сказать трудно, но он приучил себя ничему не удивляться, как майор Пронин, и, совсем как Шерлок Холмс, анализировать всевозможные странные происшествия. И, надо сказать, достиг в этом немалых успехов.

Вот и сейчас мимо внимания Степана, хоть он и говорил по телефону с оперативной группой, выехавшей на очередную операцию, не прошло, что дверь гулко хлопнула. «Кто-то вошёл», — решил Степан. Но в коридоре никого не было.

«Кто бы это?» — начал анализировать Аванесов, и тут же он обратил внимание, что на лестнице снизу вверх отпечатываются мокрые следы.

«Так-так, след небольшой. Скорее всего, детский, хотя, вполне возможно, и женский... Нет, вернее, один — женский, второй — детский... Странно... Честные люди не крались бы так медленно... Всё ясно: злоумышленники хотят украсть важные до-

кументы! Так... Не нужно горячиться!.. Степан Аванесов, твой час настал!»

Следы поравнялись с дежурным. Он пропустил злоумышленников вперёд и громовым голосом скомандовал:

— Стой! Стой, тебе говорят!

Злоумышленники остановились. Один из них спросил мальчишечьим голосом:

— Кому стоять? Мне или ему?

— Обоим стоять! Ясно?! Руки!

— Дяденька милиционер,— сказал другой нарушитель.— Нам нужно здесь подарок получить, ценный...

— Ну-ну! Рассказывай! Подарок ему нужен. Ишь ты. Вы лучше скажите: кто вас сюда послал?

— Не послал, а позвал.

— То есть как?

— А вот так. Нас пригласил лейтенант Фомин.

— Вот как? Вы даже фамилию знаете? Так и думал, что важные преступники. Жаль, что малолетние... А ну, руки вверх! Вверх, я говорю!

— Мы честно, дяденька милиционер, за подарком. В газете же было написано...

— Ишь ты, «в газете». Вот завтра вас следователь допросит, будете знать, как безобразничать. А пока до утра я отведу вас в детскую комнату. А утром посмотрим.

— Дяденька, а как вы нас увидели? Неужели, наконец, мы стали видимыми?

— Милиция, братцы, она всё видит! Ясно?

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОЛШЕБНИК

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, *в которой Маруся Логинова разговаривает с Алёной-Малёной*

Алёна-Малёна успела перемазаться уже с утра. Степан Аванесов — он проходил через двор, в котором играла Алёна, — точно определил: лазила на забор — платье спереди в рыжей извёстке; была на чердаке — где ещё можно набрать столько пыли; играла в классы — около кармашка следы мела. Аванесов, может быть, прошёл бы мимо, но Алёна-Малёна была родной сестрой его невесты, и Степан не мог оставаться равнодушным.

Он уже принялся было распекать неряху, заранее предвкушая, как она напугается и удивится, что он про неё «всё-всё знает», но из подъезда выскочила Маруся Логинова.

— Алёна! — закричала она. — Иди сюда. Я тебе сейчас расскажу такое — сама не знаю какое!

Алёна воспользовалась этим и убежала к подруге, а Степан невольно прислушался к разговору.

— А у нас гости знаешь какие?

— Знаю, дядя Лёня Фомин к вам приехал, я видела...

— И ничего ты не знаешь. И вовсе у нас в гостях невидимки. Вот. А мама говорит, что они меня спасли...

При этих словах Аванесову припомнились мокрые следы на лестнице и нагоняй, который получил он за то, что продержал сутки мальчишек в детской комнате, а милиция сбилась с ног, разыскивая их по всему городу. Хорошо хоть, что мальчишки не сбежали — весь день ели да спали. Спасло тогда Степана лишь одно — он в тот день только вернулся из отпуска и о невидимках ничего не знал.

— И они взаправдашние, невидимки? — спросила Алёна-Малёна, всё ещё косясь на Степана Аванесова.

— Угу!

— А посмотреть на них можно?

— Как же посмотреть, если их совсем, ну совсем не видно.

— И вовсе ты обманщица, — сказала тогда Алёна-Малёна и отвернулась. — И никаких невидимок у тебя нет. И никто тебя не спасал. Если были бы, так показала б...

— Ну пойдём, пойдём, увидишь сама.

— А они малюсенькие?

Девочки помчались к подъезду. За ними двинулся и Степан Аванесов. «Хоть посмотрю, за кого мне попало», — думал он, на самом-то деле не очень веря, что дело обошлось без мошенничества. Никакие они не невидимки, а просто притворяются. Всё в жизни должно иметь объяснение — так считал Аванесов.

Девочки на цыпочках вошли в комнату. Степан остался стоять в дверях. Он видел, как боязливо крадутся Маруся и Алёна-Малёна к кровати, на

которой только натренированный глаз Аванесова мог заметить приметы людей... Подушки смяты головами, одеяло поднялось горбом в двух местах. «Один спит спокойно, другой разметался», — решил Аванесов.

— Где же невидимки? — шёпотом спросила Алёна-Малёна.

— А вот же, на кровати.

— И даже ничего тут нет, — сказала Алёна-Малёна уже погромче и потрогала рукой одеяло. Вдруг она отдёрнула руку и закричала.

— Что случилось? — подбежал к девочке Аванесов.

— Невидимка схватил меня за палец.

— Это тебе показалось, Алёнушка. Они ведь спят.

Но девочки уже выскочили на улицу. Поговорив немного с Марусиной мамой, вышел из дому и Аванесов. В углу двора он увидел девочек. Алёна-Малёна была окружена большой толпой ребятишек.

— Я их несколько не боялась, — хвасталась она, — ну несколько. Один даже хотел мне палец откусить, но я его как...

Степан улыбнулся и пошёл к автобусной остановке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,
*в которой письма находят адресатов,
адресаты путешествуют, а путешественники
возвращаются*

Пока наши друзья видели седьмые сны в квартире полковника Логинова, сам Василий Михайлович взволнованно ходил по кабинету.

— Ну хорошо,— говорил он Лёне.— Мальчиков мы нашли. Но это ведь полдела. Надо помочь им снова стать видимыми. А это штука нелёгкая. Не верить же их заявлению, что во всём виновата какая-то галоша. Ведь это абсурд.

— Конечно,— соглашался Фомин.— Если верить в галошу, то тогда надо всерьёз давать объявление в газету: «Потерялся волшебник. Нашедшего просим возвратить владельцу за вознаграждение». Чепуха получается.

— Вот что, ты оставь мне письма, пусть мальчики почитают, а сам поезжай к профессору Верхомудрову. Вдруг он сможет помочь.

Лёня развязал ставшую весьма пухлой коричневую папку и достал письма из Прибайкальска. Их было несколько.

Димка и Паша вошли в кабинет через полчаса после ухода Фомина. Они уселись в два кресла, стоящие у стола, и Василий Михайлович вручил им письма из дому. Это был самый приятный сюрприз для невидимок, потому что кто же не скучает по дому? Где бы ни был человек — в дальнем увлекательном ли плаваньи, в трудном ли походе, на берегу ли ласкового моря — всё равно скучает.

Мальчики углубились в чтение писем, позабыв всё на свете.

Здравствуй, Димочка!

Как я соскучилась по тебе, дружок. Василий Михайлович написал мне, что вы наконец нашлись, и я очень рада. Я так волновалась всё время, пока о вас не было никаких известий. Только Анатолий Петрович утешал нас. Да ещё Сеня — пионервожатый. Тридцать один нашёлся,— говорит он,— двое

найдутся. Он оказался прав. Кстати, Сеня сейчас тоже в Москве, уехал в какой-то институт, к учёным, чтобы избавить вас от беды. Пришло твоё письмо, но без обратного адреса, я и не знала, куда написать тебе. Приезжай поскорее, дружок.

Твоя мама.

Димка чуть не расплакался над письмом, так ему захотелось домой. А Кашкин почему-то улыбался. Димка понял, в чём дело, когда они обменялись письмами.

Братишечки-омулятнички, как поживаем?

Что ж это вы пустились в путь-дорогу, а меня, старого рыбака и заядлого путешественника, оставили дома? Не ожидал, не ожидал. Это уже не товарищески. Я, конечно, понимаю, вы, братки-рыбаки, зазнались. Думаете, стали невидимками, так уже теперь на нас, видимок, можно смотреть свысока? А я и сам без вас тут задумал проехать на «Волге» вдоль всего Байкала. А? Что? Вижу, вижу, глаза заблестели. Ну, да я не такой, как вы. Хотите, возьму с собой? Мне места не жалко. Только дело-то вот в чём: отпуск у меня начинается через неделю, так что вы, того, торопитесь! Ясно? Тут ещё мама хочет вам написать пару слов, а я кончаю.

После закорючки, которая должна была означать подпись Кашкина-отца, другим почерком было приписано:

Пашенька! Не ходи, милый, с непокрытой головой. Лето жаркое, может случиться солнечный удар. Приезжай поскорее.

Мама Валя.

Третье письмо читали вслух.

Невидимкам-путешественникам, великим покорителям пространства, представителям великого племени пятиклассников, от братьев по счастью и несчастью наш невидимый привет!

Это письмо по поручению тридцати одного невидимки пятого класса «В» 117-й школы пишет штаб невидимок. Недавно узнали о ваших делах и обсудили на совете ваше поведение. Большинство поступков признано правильными. Штаб даёт вам поручение — найдите в Москве Сеню и присоединитесь к нему: нужно как можно скорее узнать причину того, что с нами произошло, и как избавиться нам от такой «радости».

*По поручению невидимок
председатель совета
Сокольников Вера.*

— 'А вот и Лёня вернулся,— обрадовался Логин, заметив лейтенанта в дверях.— Ну, как?

— Всё в порядке,— улыбнулся тот.— Примет.

Тёмно-синяя машина с красной продольной полосой мчала наших друзей по городу. Уже возвращаясь после прогулки, увидели они шагающих к вокзалу старых знакомцев — сибирских пионеров.

— Никогда не ел пирожка вкуснее, чем тогда в вагоне,— засмеялся Паша.

А Димка подумал о том, что лучше путешествовать так же, как эти ребята,— честно и заслуженно. А невидимкой быть ни к чему.

Четвёртое стихотворение
Вадима Смирнова

Жил да был на свете я —
Человек обыкновенный.
Жил, мечту одну тая,
Человек обыкновенный.
Получил галошу вдруг
Человек обыкновенный,
Стал невидим, словно дух,
Будто необыкновенный.

Я к друзьям пойти хочу,
А они меня не видят,
Я по воздуху лечу,
А они меня не видят.
Вот приехал я в Москву,
А она меня не видит,
Даже если зареву —
Всё равно никто не видит.
Жил да был я — человек,
А теперь я невидимка.
Впереди был целый век,
А теперь я невидимка.
Приключилась беда,
И теперь я невидимка.
Неужели навсегда
Невидимкой будет Димка?

Сам не можешь ничего —
Что за необыкновенный?
Не поможет волшебство —
Что за необыкновенный?
Вот и бродит тень моя —
Что за необыкновенный?
Лучше б жил на свете я —
Человек обыкновенный...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,
*в которой бабушка Варвара решилась
наконец поговорить с «нечистой силой»*

Проходя через комнату, в которой поместили невидимок, бабушка Варвара всегда крестилась. В бога она давно не верила и делала это на всякий случай: а вдруг эти мальчишки и впрямь нечистая сила?

— Послушайте, мама,— говорили, бывало, ей Василий Михайлович и его жена, дочь бабушки Варвары,— ведь мальчишки же совершали только хорошие дела: спасли нашу Марусю из-под машины. Что же вы их боитесь?

— Так-то так,— отвечала старушка,— да только непривычно как-то разговаривать со стенками. Их ведь, сердешных, не видно, а я сослепу-то не могу никак разобрать, есть они в комнате или нет.

Поздно вечером бабушка баюкала Марусю. Девочка капризничала и требовала, чтобы вместо бабушки её баюкал Димка. Старушка испуганно оглядывалась и старалась всячески отвлечь девочку. Но Маруся была упряма. Пришлось звать невидимок. Дрожа и крестясь, бабушка Варвара вошла в комнату мальчиков и сказала:

— Это самое, значит, вот какое дело: Марусенька-то всё не засыпает и не засыпает. Попеть просит.

Невидимки отправились к девочке, а старушка, держась за сердце, побрела за ними: да и можно ли оставить беззащитную внучку наедине с «нечистой силой»?

Спеты были все колыбельные, потом военные песни, потом начались туристские:

Нам электричество
Сделать всё сумеет,
Нам электричество
Мрак и тьму развеет,
Нам электричество
Заменит тяжкий труд:
Нажал на кнопку — чик-чирик —
И все уж тут как тут...

Паша пел тоненьким голоском, зато во всю мочь.

— Да не так громко. Что вы кричите, ведь так слона разбудить можно, не то что ребёнка усыпить...— решила поговорить с невидимками бабушка Варвара.— Вот как нужно...

И она запела:

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю —
Придёт серенький волчок,
Схватит Машу за бочок.

Но у Маруси вовсе не было желания слушать про скучного волка. Ей было куда интереснее слушать «про мускулы стальные, про шорохи ночные, про смелых и больших людей». И она требовала от невидимых нянек всё новых и новых песен. Однако запас «колыбельных» у наших друзей был уже исчерпан.

— Маруся, давай лучше мы тебе сказку расскажем,— предложил Паша Кашкин.

— Сказку, сказку, хочу сказку! — обрадовалась девочка.

И тогда наперебой, поправляя друг друга, мальчики рассказали ей всё, что знали про Кузьку-озорника.

- А потом что с ним было?
— Что было потом, мы не знаем.
— Наверное, навсегда остался Кузька рыбой,— сказал Димка.
— Мне жалко Кузьку,— сказала Маруся.
— Почему же? — удивился Паша.— Он же плохой. Озорник.
— Всё равно жалко...
Бабушка Варвара вдруг улыбнулась:
— Хотите, я расскажу вам, что было дальше?
— Хотим! — обрадованно и удивлённо вскрикнули в один голос и невидимки и Маруся.
— Тогда слушайте...

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О СТАРИКЕ ОЗОРНИКЕ

- Нет, ты отдал ещё не всё,— захихикал старик карлик.— Не всё. У тебя остался ещё твой длинный рост. Теперь он тебе не нужен. Какая разница, будешь ты большой рыбой или маленькой? А в обмен я сделаю тебя волшебником.
— Ну хорошо,— согласился Кузька.— Давай меняться.

И поплыли они в глубь озера. Долго плыли, нет ли, а только остановились у глубокого чёрного провала. Заглянул Кузька вниз, а там и дна не видно — тьма крошечная.

- Ну, что,— говорит старичок,— ныряем, что ли?

А Кузька даже глаза зажмурил: страшно ему.

- Эх, ты! А ещё озорничал, смелым считался. Тьфу! Знал бы, так и не связывался бы с тобой.
— Я-то, что ли, трус? — обиделся Кузька.

Добрался он до края пропасти да как бросится вниз головой. Сердце, конечно, в пятки, хоть и пяток-то у него нет — один хвост рыбий. И чувствует он, что опускается медленно, так, словно крылья его подпирают. И пока опускался, всё думал про свою беду: как же это он теперь вернётся в родные места? Как же снова стать парнем красивым да статным и повидать девушку, которой немало зла сделал? Теперь-то он уж точно знал, что нет её краше на свете, что любит он её больше жизни. Да ничего не вернуть.

И во второй раз закапали слёзы из круглых Кузькиных глаз, да только никто не видел тех слёз — кругом вода.

Долго так опускались старик да рыба. А тьма кругом — глаз выколи. Вдруг полоска света показалась — узенькая да ясная-ясная. Вот она всё светлее. Горит, искрится прямо под ними скала, переливается вокруг неё подводная радуга.

Опустились пловцы наши на скалу, снял старичок чёрное кольцо с пальца и приложил к камню. Разошлась скала на две половины, ослепительный свет ударил Кузьке в глаза. Смахнул он слёзы и видит: мраморная белоснежная лестница петлями опускается вниз по скале, золотые фигуры людей толпятся с двух сторон лестницы. Прикоснулся старичок к первой из них чёрным кольцом — ожили фигуры, задвигались. Идут вниз Кузька и старик, а каждый золотой человек отдаёт поклон им, пристраивается позади и тоже идёт следом. Лестница закончилась, а внизу новая пропасть. Кузька даже вниз глянуть боится. Расходятся от лестницы волны — синие, красные, огненные, зелёные. Старичок прикоснулся кольцом к Кузьке — вырос-

ли у Кузьки руки-ноги. Стал он и сам похож на старика волшебника, только ростом высок. А волшебник уже ступил на первую волну, раскачался на ней, как на качелях, и перепрыгнул на следующую. И каждый раз, как ступал старик на новую волну, меняла цвет его одежда. Вся она теперь сверкала драгоценными камнями — и алым рубином, и прозрачным бриллиантом, и матовым жемчугом, и светлой бирюзой.

Подумал-подумал Кузька и решил: «Эх, была не была — двум смертям не бывать, а одной не миновать!» — и тоже ступил на первую волну. И оказался он во дворце невиданной красоты. Глядит, а навстречу ему уже идёт старичок, волшебник-то. Смотрит на него Кузька и узнать не может: стал старик молодым красавцем со злым лицом да сердитыми зелёными глазами.

— Ну вот, — говорит, — дорогой Кузьма Озёрович, мы и на месте. Проходи, гостем будешь. Я во все не такой уж злой, как ты думаешь. А только поменаться мне с тобой ростом просто необходимо.

Садятся они за стол, едят блюда невиданные, пьют вина непробованные. Рыбы им прислуживают, золотые фигуры песни поют. И чудится Кузьке весёлый праздник в родном селе. Собрались за столом мужики, женщины надели лучшие платья. Только-только сняли урожай, и столы ломятся от пирогов, от жирного янтарного мяса, пьяной браги, пухлых калачей. Вот уж и гармонь завела свою песню. И девчата вышли в круг. А среди них лучшая самая — Васюта звать её. Пляшет она, платочком шёлковым обмахивается и манит, манит к себе Кузьку... Вот уж поистине: что имеем — не храним, потеряем — плачем...

И снова смахнул Кузька кулаком слезинку. Да только никто того не видел — вода кругом, вода.

А тут старик подходит к нему и спрашивает:

— Как, как тебе Васюта? Не правда ли, хороша? Вот посвататься хочу да забрать её сюда, во дворец мой подводный. Разве не по красавице хоромы?

И понял Кузька, что лишается он самого последнего, что имел и что своими руками отдал: образ человеческий отдал, рост свой высокий отдаёт, молодость отдал, а вот теперь навсегда должен распрощаться с Васютой! Доозорничался!

— Да, хороша Васюта,— говорил между тем старик,— да только не знаю, как к ней с таким ростом подступиться. А вот буду я росту большого, тогда...

— Не будешь ты большого росту, не будешь!— сердито закричал Кузька, вскочив с места.— Не хочу я меняться, не отдам тебе Васюту!

Засмеялся волшебник:

— Разве не сам ты её за косы к дереву привязывал? Разве не сам озорства ради любовью её, добрым к тебе расположением помыкал?

Ударил старик сердито рукой по столу, а на руке-то чёрное кольцо. Гром покатился по озеру, завертелась в нём воронкой вода. Вода кружится всё быстрее, воронка всё глубже. Вот уж Кузька на дне воронки. Выпрямилась вода. Швырнула вверх незадачливого озорника. И рыбаки, в испуге собравшиеся на берегу, увидели, как взлетела вверх над водой большая рыбина, перевернулась в воздухе и тяжело плюхнулась обратно в озеро.

— А дальше?

— Поздно уж, ребятки. Да вон и Марусенька заснула. В другой раз уж.

— Да, да, друзья. И вам пора спать.

Мальчики оглянулись. На стуле у самых дверей сидел Василий Михайлович. Он тоже слушал сказку — никто и не заметил, как он вошёл.

— На боковую, братцы-кролики, на боковую. Нам завтра рано вставать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,
*в которой разговаривают деревья, машины
ездят без шофёров и работает
электронный лифт*

Было ещё темно, когда во дворе заурчали машины. Полусонные невидимки сбежали с лестницы — лейтенант Фомин ждал их в новенькой «Волге». Димке показалось, что Лёня чем-то взволнован.

Выехав из Москвы, они свернули с асфальта и долго ехали по просёлочной дороге, потом петляли по лесу и наконец остановились перед табличкой, на которой было написано:

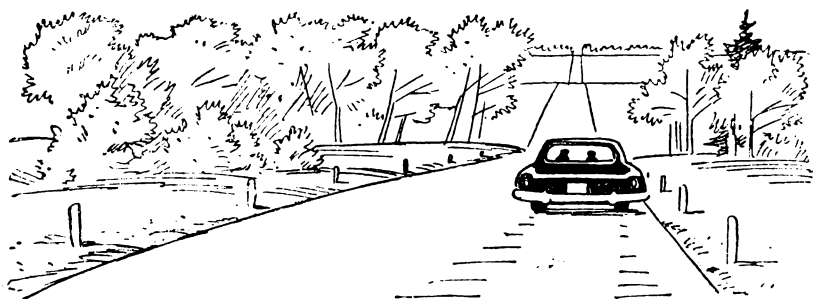
СТОП!

— НАЗОВИТЕ ВАШИ ФАМИЛИИ,— раздался откуда-то сверху глуховатый громкий голос.

— Лейтенант Леонид Фомин, ученики Вадим Смирнов и Павел Кашкин,— быстро ответил Лёня.

— ВСЁ ПРАВИЛЬНО,— сказал тот же голос.— ОСТАВЬТЕ МАШИНУ ЗДЕСЬ И ПРОЙДИТЕ ДО КОНЦА АСФАЛЬТОВОГО ТРОТУАРА.

— Хорошо.

Лёня открыл дверцу, и вслед за ним мальчики вышли из машины. Не успели они ступить на тротуар, как машина дала сигнал и тронулась с места.

— В ней же никого нет! — удивлённо воскликнул Паша.

Фомин с улыбкой посмотрел на ребят, недоуменно глядевших вслед «Волге», которая скрылась в соседней аллее.

— Здесь всё может произойти, — сказал он, — даже такое, что и во сне не приснится.

Они дошли до конца тротуара. Здесь их снова остановил тот же голос:

— ВАМ ПРИДЁТСЯ НЕСКОЛЬКО МИНУТ ОБОЖДАТЬ.

— Ждём, — сказал Фомин.

— Интересно, кто это с нами разговаривает? — спросил Димка.

— Не знаю, ребята, может быть, какой-нибудь сотрудник института или, может быть, хорошо спрятанный часовой, охраняющий институт.

Раздалось лёгкое покашливание, которое, видимо, обозначало смех. И всё тот же ровный, чуть глуховатый голос произнёс:

— С ВАМИ РАЗГОВАРИВАЕТ АВТОМАТ-СЕКРЕТАРЬ СИМПАМПОН. К ВАШИМ УСЛУГАМ, ДРУЗЬЯ! ОБРАЩАЙТЕСЬ КО МНЕ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ. ДЛЯ ЭТОГО, ГДЕ БЫ ВЫ НИ БЫЛИ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕГО ИНСТИТУТА, НУЖНО ПРОИЗНЕСТИ СЧЁТ: РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, СИМПАМПОН! И Я ТОТЧАС ЖЕ ВКЛЮЧАЮСЬ НА ВАШ ГОЛОС. ЛЮБЫЕ БЫТОВЫЕ СПРАВКИ — ПОЖАЛУЙСТА. СПРАВКИ ОБ ИНСТИТУТЕ — НЕТ. САДИТЕСЬ!

В ту же минуту к тротуару подъехала небольшая тележка с четырьмя мягкими креслами — по два друг против друга. На её лакированных боках сверкало солнце. Внешне тележка немного напоминала лодку с обрезанным носом и укороченной кормой.

— САДИТЕСЬ,—повторил Симпампон. Его голос теперь звучал из глубины необычного экипажа.— ТЕПЕРЬ ПРИВЯЖИТЕСЬ РЕМНЯМИ, ОНИ У КАЖДОГО ЗА СПИНОЙ.

Ремни — очень тонкие, но крепкие — действительно оказались за спиной. Друзья покрепче затянули пряжки. Раздался продолжительный звонок, тележка качнулась, проехала два-три метра и легко поднялась в воздух.

У невидимок замерли сердца. Потом мальчики стали смотреть по сторонам. Их экипаж, стремительно поднимаясь, летел над лесом к большому озеру.

— Как же мы летим без крыльев и без пропеллера? — изумился Паша.

— АНТИГРАВИТАЦИЯ.

— Извините, а что это такое? — спросил лейтенант Фомин.

— ИЗВИНЯЮ. ЭТО ОТСУТСТВИЕ ТЯЖЕСТИ. СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ ЗЕМЛИ НА ВАС ПЕРЕСТАЛА ДЕЙСТВОВАТЬ. ЕСЛИ БЫ ВЫ НЕ БЫЛИ ПРИВЯЗАНЫ — ВАС УНЕСЛО БЫ ЛЕГЧАЙШИМ ДУНОВЕНИЕМ ВЕТРА. ВЫ ВЕДЬ СЕЙЧАС НЕ ВЕСИТЕ НИ Ч Е Г О!

— Этого ещё не хватало! — горячо сказал Паша. — Мало нам, что мы невидимки, так мы ещё ничего не весим!

Раздалось лёгкое покашливание. Симпампон смеялся.

В самом центре озера торчало несколько деревьев — они приткнулись на небольшом островке. Между ними белели стены восьмиугольной, ослепительно горящей на солнце башни.

Поравнявшись с островом, тележка замерла в воздухе и медленно пошла на снижение. Гости почувствовали вдруг, как исчезает в их теле необычная лёгкость, как тяжело прижимает их к спинкам кресел воздух, который всегда казался невесомым, как тяжелеет голова, а руки кажутся многопудовыми — это вновь появилась тяжесть.

Они приземлились на крыше.

Плоская восьмиугольная металлическая площадка блестела, по краям полированной поверхности виднелись лёгкие барьеры из голубого и золотистого металла.

— БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!

Восемь тонких полупрозрачных пластин тех же цветов, что и барьеры, окружавшие башню, постепенно расширяясь, поползли вверх и соединились в шатёр. Стало темно. Послышалось ровное гудение.

— НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ РАССТЁГИВАЙТЕ РЕМНИ!

Димке вдруг показалось, что его нет. Он о чём-то думал, но мысль прервалась. Он что-то хотел сказать — и не мог. Он перестал видеть и слышать. ЕГО НЕ БЫЛО!

Димка открыл глаза — ни тележки, ни башни, ни озера. Он сидел в удобном белоснежном кресле. Рядом точно в таких же, словно слепленных из облаков креслах важно восседали Паша и Лёня Фомин.

— Вот это да! — сказал Паша и засмеялся. — Димка, тебя ТОЖЕ НЕ БЫЛО?

— Ничего не поделаешь, друзья. — Из-за стола поднялся молодой человек, круглолицый, с очень светлыми волосами и удивительно чёрными мохнатыми бровями. — Ничего не поделаешь, защита. Электронный лифт — наша защита... Ну, давайте знакомиться, Верховудров...

— Вы и есть самый главный профессор? — спросил Димка.

— Почему же самый главный? Обыкновенный профессор.

— А нам сказали, что вы волшебник, — сказал Паша.

— Волшебник и есть.

— А скажите, профессор, — Лёня встал, и выяснилось, что рядом с высоченным профессором он, человек довольно высокий, кажется мальчишкой, — скажите, нас и в самом деле НЕ БЫЛО?

— Видите ли, вас НЕ БЫЛО, но в то же самое время вы БЫЛИ...

— Как же так?

— Электронный лифт, включившись, разложил каждого из вас на мельчайшие электрические частицы, пронёс по проводам и МАТЕРИАЛИЗОВАЛ,

то есть вернул вам ваш прежний облик вот ЗДЕСЬ, у меня в кабинете. Понимаете теперь, почему в институте нет охраны: ведь сюда есть только один путь — через электронный лифт. И отсюда тоже.

— А если к вам попытается пробраться вражеский разведчик?

— Невозможно. Он просто станет ЭЛЕКТРОТОКОМ.—И уже совсем другим, добродушным тоном спросил: — Ну, рассказывайте, что с вами произошло?

В который раз пришлось Димке вспоминать о встрече с Зеленобородым и обо всём, что случилось после.

Профессор задумчиво покачивал головой, потом, совсем как доктор из детской больницы, достал из ящика стола трубку, выслушал по очереди каждого из невидимок, засунул в рот одному и другому чайную ложечку и потребовал:

— Скажи «а»...

— А-а-а-а...

— Так, так, так, так. Теперь скажи «бе»...

— Бе-е-е-е...

— Так, так, так. Совсем хорошо. Теперь затаи дыхание... Так, так... Теперь дыши... Так. Ну, что же вам сказать? Случай, конечно, трудный. Но ничего такого, что было бы недоступно науке, на свете не существует. А пока вам нужно немного перекусить и отдохнуть с дороги.

Он чуть изменённым резким голосом произнёс, ни к кому не обращаясь:

— Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Симпампон!

— ГОТОВ.

— Комната двести семьдесят три. Четыре прибора.

— КОМНАТА ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ. ЧЕТЫРЕ ПРИБОРА, — повторил Симпампон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,
в которой выясняется, из чего сделаны
котлеты, и в которой многие знакомые
встречаются вновь

Бесшумно открылась и закрылась дверь.

В комнате не было окон. Лёгкое сияние лилось с потолка, всё было залито мягким, ровным светом — и стол, выдвинувшийся из стены, и красные пластмассовые стулья, и стены, украшенные голубоватыми пейзажами в тёмных — тоже пластмассовых — рамках.

— ЖДУ ВАШИХ ПРИКАЗАНИЙ.

Профессор Верховудров улыбнулся: Симпампон был его детищем, и профессору нравилось несколько старомодная манера речи, на которую был настроен робот-секретарь.

— Ну-с, друзья, что мы будем есть?

— А можно пирожков? — попросил Паша.

— Конечно.

— А мне бы котлет, — мечтательно сказал Димка.

— И это можно. А вам, товарищ Фомин?

— Мне бы, — сказал Лёня, — а мне бы... Впрочем, я ведь не знаю, что у вас здесь есть в столовой, а чего нет...

Профессор теперь уже не улыбался, а громко хохотал. Симпампон тоже игриво покашливал.

- Смелее, смелее! — сказал профессор.
- Ну, тогда мне бы тарелочку борща.
- Симпампон! Вы слышали?
- СЛЫШАЛ. ИСПОЛНЯЮ.

Всё было удивительно вкусным, особенно пирожки. Паше казалось, что ещё никогда он не едал ничего подобного.

— Теперь скажите, — спросил профессор, — что вы сейчас едите?

— Как — что? — удивился Димка. — Котлету, и очень вкусную.

— Правильно. А из чего, по-вашему, сделана эта котлета?

— Конечно же, из мяса, — сказал Лёня Фомин.

— А вот и нет. — Лицо Николая Тимофеевича — так звали Верховудрова — стало таинственным, он даже понизил до шёпота голос. — А вот и нет, не угадали!

— Из чего же тогда? — Димка даже перестал жевать котлету, пытаясь разгадать секрет.

— Ни за что не угадаете.

— Из рыбы, наверное, — на всякий случай сказал Павлик.

— ХА! — сказал Симпампон. — ХА! ИЗ РЫБЫ! ХА!

— Нет, — возразил Лёня Фомин. — На рыбу не похоже. Видимо, из курицы.

— Так и быть, скажу, — сжалился профессор. — Из воздуха.

— Из воздуха?! — вскричали все трое. И было в этом возгласе и удивление, и недоверие, и восхищение.

— Да, — подтвердил профессор, — из воздуха. Химическим путём.

Верхомудров встал.

— Извините, я должен уйти. Много дел. Нам с вами предстоит вечером трудная работа. А днём вас должны обследовать специалисты из «Лаборатории невидимости» и «Лаборатории СИЧ». Мне надо подготовиться, а вам — поспать. Совсем не плохо, а?

— Не хочется, честное слово. Мы не устали, — заговорили мальчики.

Но профессор сказал серьёзно:

— Сейчас захотите.

Он нажал одну из кнопок на стене. Растаяли пластмассовый стол и стулья. Комната опустела. Потом появились три белоснежные постели. Погас свет, стало чуть прохладно. И когда наши друзья взглянули вверх, там висело синее, усыпанное чуть мерцающими крупными звёздами небо.

— Вы проснётесь через три часа, — сказал профессор и вышел.

А наши друзья почувствовали вдруг, что им смертельно хочется спать.

...Ровно через три часа в комнате раздался приятный, мелодичный звон. Запели птицы. Мальчики открыли глаза — над ними висело залитое солнцем лёгкое утреннее небо. И соцветия облаков плыли медленно-медленно. И щёлкал соловей, которого ребята никогда не слышали. Ведь в Сибири, к сожалению, пока ещё нет соловьёв.

— Вставайте, дружочки, — заволновался Лёня Фомин. — Вставайте, начинается самое главное.

И только он это сказал, как знакомый голос прозвучал откуда-то с неба:

— ДРУЖОЧКИ! ДРУЖОЧКИЧКИ! ДРУЖБА... ДРУГ... ДРУЗЬЯ... ДРУЖОЧКИ... КРУЖОЧКИ... ПОНЯЛ. ДРУ-

ЖОЧКИ — МАЛЕНЬКИЕ ДРУЗЬЯ! ТОВАРИЩ ФОМИН И ДРУЖОЧКИ, ВАС ЖДУТ В «ЛАБОРАТОРИИ НЕВИДИМОСТИ». ПРОФЕССОР КАЛАМБУРОВ. КАБИНЕТ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ. ВЫЙДЕТЕ В КОРИДОР, НАЛЕВО ВОСЕМНАДЦАТАЯ ДВЕРЬ. ПОКА.

— Законно! — воскликнул Паша.

— **СОВЕРШЕННО ЗАКОННО,**— сказал Симпампон.

Когда раскрылась чёрная, из шлифованного камня дверь, друзья ахнули: в комнате, обставленной странными аппаратами и приборами, их ждал молодой человек в сером пальто. Да-да, тот самый, который на глазах всей честной публики исчез и снова появился во время суда над Петуховой.

— Не удивляйтесь,— сказал он и по очереди протянул каждому свою худощавую тонкую руку.— Профессор Каламбуров.

Гости назвали себя.

— Вас ждёт ещё один сюрприз,— торжественно произнёс Каламбуров.

И тогда из-за ширмы вышел... пионервожатый Сеня — «Всадник без головы». Мальчикам он казался совершенно нормальным — они ведь видели его голову, а Лёня, вытирая вспотевший лоб, сел на стул, вовремя подставленный Каламбуровым. К невидимкам он как-то привык, но к такому...

— Ну, беглецы,— сказал Сеня,— вот мы и встретились.

— Итак,— потёр руки Каламбуров,— сейчас мы вас увидим! Будете вы уже не невидимками, а увидимки... Выпейте-ка по глоточку этой вот бесцветной и безвкусной жидкости.

«Безвкусная жидкость» обожгла рот и маленьким шариком прокатилась куда-то вниз.

И Лёня Фомин увидел мальчиков. Сперва стали

проступать их лёгкие контуры, они становились полупрозрачными, потом приобрели объём. И вот уже оба наших героя стали обыкновенными мальчишками, такими, как были всегда.

— Уррррра! — закричал Павел, взглянул на Димку — и осекся.

Да, они стали видимыми, но... совершенно зелёными. У них были зелёные уши и зелёные глаза, у них были зелёные руки и зелёные зубы, у них были зелёные щёки и зелёные волосы.

— Онтянопен! — упавшим голосом сказал Каламбуров. — Онтянопен! Тут отч от ен кат!

Волнуясь, он всегда произносил слова наоборот.

— Еогурд отчен меуборпоп!

Он налил в пробирки розовой жидкости, добавил туда воды, бросил в каждую по маленькому серебряному шарiku. Шарик, достигнув дна пробирки, вспыхивал, и по комнате разносился запах дыма.

Снова выпили по маленькому глотку. И стали невидимками. А потом снова превращались в «увидимок» зелёного цвета. Как ни менял препараты Каламбуров, ничего не помогало.

Наконец он устало прошептал:

— Ёсв! Ястеачулоп ен! Выбирайте — или вы останетесь пока невидимками, или будете — тоже пока — зелёными.

— Будем зелёными! — в один голос закричали мальчики.

— Быть по сему!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,
*проведённая зелёными пациентами в
«Лаборатории СИЧ». В ней же рассказывается
третья легенда о старике озорнике*

Вечером Димка написал песенку. Спел её Павлику и Лёне. А к утру её распевал уже весь сверхнаучный институт. Даже робот-секретарь Симпампон. После каждого куплета он покряхтывал — смеялся.

А песенка была такая:

Мы не липы, мы не клёны,
Не деревья из тайги —
Ты зелёный, я зелёный.
Вот какие пироги!

Нас узнают еле-еле,
Станут лица так строги:
— Что же вы позеленели? —
Вот какие пироги!

Что сказать и что ответить?
Перевёрнуты мозги:
— Зелены, поскольку — дети. —
Вот какие пироги!

Мы гуляем по аллеям, —
Лес зелёный, помоги!
Поживём, авось дозреем.
Вот какие пироги!

Заведующий «Лабораторией СИЧ», напевая эту песенку, заглянул в комнату мальчиков.

— Мммм!..— повторял он мелодию.— «Ты зелёный, я зелёный...» Мммм... А вас уже ждут... Мммм... «Вот какие пироги!..» Мммм... Да, один очень знакомый вам человек... Мммм... «Поживём, авось дозреем...» Мммм... Так что пошли...

В лаборатории их встретил профессор Верхо-мудров.

— Проходите,— сказал он.— Тут вас очень хотел видеть мой отец.

— Он учёный? — спросил Паша.

— Он даже поважнее учёного... Он...

— Дедушка! Дедушка Тимофей Митрофанович! — закричал Димка.— Так вот это кто!

— Ой, какие вы зелёные... Интересно-интересно... Кто же из вас кто? А?

— А вы угадайте! — сказал Паша.

— Присмотритесь внимательно, и всё ясно станет. Я лично сразу узнал,— засмеялся Лёня.

— Постой, проверим... Значит, так: глаза серые есть? Нету. Всё, это самое, зелено. Нос прямой, над верхней губой родинка есть? Есть. Стало быть, вот ты — Димка.

— Верно, я.

— Ну, здравствуй, Димка. А ты, стало быть, Павлик?

— Ага!

— Ну, здорово, Павлик. Как-то ты вроде подросток...

Разговору не было бы конца, если бы не заведующий лабораторией.

— Пора начинать... Мммм... — напомнил он.

— Да, пора! — взглянул на часы профессор Верховудров.

— Вы уже знаете, что лаборатория наша занимается проверкой всевозможных сказочных чудес. Поэтому она и называется «Лаборатория СИЧ», то есть «Лаборатория сказок и чудес». Нам известно, что мальчишки стали невидимками с помощью волшебной галоши. Мы перебрали все сказочные сюжеты о галошах, но галоши, превращающей людей в невидимок, в нашей картотеке не оказалось. Есть «галоша счастья» Ганса-Христиана Андерсена, числящаяся у нас под номером двадцать миллионов сто сорок три, есть волшебная галоша, в которой плавают герои многочисленных лесных сказок, есть, наконец, галоша, в которую подчас садятся те или иные персонажи. Но, повторяю, галоши, о которой рассказывает пациент Смирнов, — нет. Это, видимо, неизвестная нам, а значит, непроверенная сказка.

— Может быть, всё-таки старик озорник и есть Зеленобородый волшебник? — спросил Сеня.

Ребята ведь рассказали вам всё, что они слышали о Кузьке.

— Возможно, возможно. Но мы ведь не знаем конца легенды. Ммм... «Зелены, поскольку — дети...» Ммм... Вот привязалась эта песенка... Ммм... «Перевернуты мозги...» Мы специально и пригласили Тимофея Митрофановича, чтобы услышать, что было дальше... Ммм... «Вот какие пироги...» И проверить... Ммм...

— Ну что ж, доскажу...

Только нам бабушка Варвара маленько уже рассказала.

— Это докудова?

— Как старик у Кузьки Васюту захотел отобрать...

— А! Ну, ну. Так вот, значит, как дело-то было...

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О СТАРИКЕ ОЗОРНИКЕ

Много ли, мало ли времени прошло — кто его считал? А только плыл как-то Кузька по озеру, печальный такой, невесёлый. И видит: колечко сверкает меж камней. Подплыл ближе, а кольцо-то огнём переливается. Взял Кузька кольцо, попробовал примерить. Едва надел он кольцо на плавник — как разыгралась буря на озере, заходила вода волнами чуть не до неба, хлопнула Кузьку о какой-то камень. Зажмурил он глаза от страха: «Ну, — думает, — пропал!» Ан нет. Ничего с ним не делается. Открыл глаза — понять не может, куда попал. Сидит Кузька снова в том дворце, где с волшебником пировал. А перед ним на столе кольцо лежит, которое он в озере-то нашёл.

Глядит на него волшебник злыми глазами и говорит:

— Ну что? Сам пришёл?

— И чего ты ко мне привязался? — отвечает Кузька. — Не хотел я вовсе приходить сюда. Вот кольцо надел, и началась кутерьма.

— А зря ты, Кузька, отказался меняться. Васюту ты никогда не увидишь. Ведь рыба ты. Рыба, и больше ничего. Подцепит тебя какой-никакой рыбак в сеть — и попал в уху. А я тебя сделаю волшебником. Только согласишься.

— Мало мне от того радости, — грустно сказал Кузька. — Кабы помогло это Васюту повидать на прощание — всё отдал бы. И то, что есть, и то даже, чего нет.

— Хорошо! — хлопнул в ладони волшебник. — Сегодня вечером ты увидишь Васюту!

— Тогда и меняться будем. Только мне бы до вечера отдохнуть малость, устал я, по воде плаваючи.

Волшебник повёл его в комнату, уложил в постель. Радуетса сам, что Кузьку уговорить удалось. Кузька-то чуть не плачет. А только больше жизни дорогá ему Васюта, и как спасти её от волшебника, он не знает. Притворился он спящим, а как увидел, что, кроме него, в комнате никого уж нет, достал потихоньку кольцо, то, что в озере-то нашёл, и написал на нём слова тайные.

Пришёл вечер. И поплыли вдвоём волшебник и Кузька к берегу. Часа два, почитай, добирались и вынырнули как раз против Васютиного дома. Подкрались тихонько к окошку. Видят: сидит Васюта у стола, слезами горькими заливается. Мать её успокаивает:

— Что ты,— говорит,— доченька, по ему, шалопутному, убиваешься? Озорник ведь, чистый озорник был.

— Как же не убиваться мне, коли я его погубила. Ведь от любви озоровал он, от молодости, от силушки, которую девать некуда было. Поняла я, да поздно. Нету мне без него жизни. Утопиться в пору.

— Ишь чего задумала! — в испуге замахала руками мать.— И мыслить про это не смей, из головы-то выкинь. Мало ли парней на деревне, найдётся и тебе пара, да ещё получше Кузьки-то твоего.

А Кузька стоит под окном, и сердце его кровью обливается. Чуть не плачет. А сам на волшебника косится. Поднял Кузька камень да и швырнул его потихонечку в старика. Тот оглянулся назад, а Кузьке только этого и надо. Бросил он в тот же миг колечко в форточку.

— Ай, маменька, никак, что упало! — вскрикнула Васюта.

— Показалось!

— Нет, я всё же посмотрю.— И Васюта подошла к окну.

— Увидят нас,— испугался Кузька.— Пойдём отсюда.

Ну, волшебник-то и рад. Побежали они к озеру да и нырнули в глубину.

Выглянула Васюта в окно — никого. А вроде кто-то разговаривал. Вышла на улицу — тихо.

Прошло много времени, легли они с матерью спать. А девушке всё не спится. Ворочается она с боку на бок, грустные думы думает. Вдруг замечает, светится что-то на полу возле окна. Встала Васюта, подошла и видит: лежит на полу перстень

цвета морской волны. Играет, переливается. Подняла его девушка, смотрит, а на перстне три слова нацарапаны, хоть и не совсем ясно, а прочесть можно: «ЖДИ МЕНЯ, КУЗЬКА».

— Жив! Жив мой Кузьма! — закричала Васюта и упала без памяти.

В ту ночь на дне озера обменялись ростом волшебник и Кузька.

— Раз уж ты такой добрый, — сказал волшебник, — я тебя тоже волшебником сделаю. Не таким, как я, чином пониже, а всё же чудеса производить сможешь.

— И на том спасибо.

— Чтобы стать волшебником, тебе придётся прочитать вот эти одиннадцать книг. Узнаешь все премудрости. А двенадцатую книгу, чёрную с золотым обрезом, — видишь? — её трогать нельзя: навек останешься рыбой.

— Так разве не навек?

— Нет, конечно.

И рассказал старик Кузьке, что может того спасти, да только мало чем обрадовал.

— Не дожидаться мне такого, — загрустил озорник.

— Кто знает, может и случиться. Чего на свете не бывает...

Засел Кузька за волшебные книги. Одну прочитал — месяц прошёл, другую — второй месяц. И так миновал почти год.

А волшебник тем временем всё к Васюте сватается. Уж таким красавцем ей представляется, что и не сказать. И щедрые подарки приносит, и в глаза заглядывает, а она и слушать его не желает: всё дружка своего пропавшего ждёт. И решил то-

гда волшебник обмануть девушку — принять Кузькин облик.

А озорник изучил одиннадцать книг да и позабыл о наказе волшебника, принялся за двенадцатую — чёрную с золотым обрезаом.

Открыл он книгу да и оторопел. Открылись ему все замыслы хозяина дворца. Узнал он, что хочет тот свататься, Кузьмой прикинуться, девушку обмануть.

«Что делать? — думает Кузька. — Как выручить Васюту, а негодяя этого наказать?»

Листает он, листает книгу. Дошёл до двенадцатой страницы, хочет перевернуть её — ан ничего не получается. Пригляделся Кузька к странице. Видит, на чёрной бумаге золотыми буквами написано:

А ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ КТО ХОЗЯИНА ОЗЕРА ЛИШИТЬ ВОЛШЕБНОЙ СИЛЫ, ПУСТЬ СНИМЕТ С ЕГО ПРАВОЙ РУКИ ПЕРСТЕНЬ.

Захлопнул Кузька книгу, выплыл из каморки. Поджидает хозяина. А того всё нет и нет.

Поплыл Кузька к Васютиному дому. Стал человеком — научился он из тайменя в старикашку плюгавого обращаться. Тряхнул зелёной своей бородой, повёл глазами зелёными — видит сквозь окошко: стоит радостная Васюта, а перед нею он — Кузька. Молодой такой, да статный, да красивый. «Пропала, судьба моя, пропала, ягодиночка!» — подумал так, и слёзы на глаза навернулись. А Васюта как раз взглянула в окно, страшно удивилась: заглядывает в дом рыба, а из круглых её глаз — слёзы текут.

«Что-то здесь неладно, — подумала девушка. — Дай-ка попытаю я своего женишка».

— Скажи,— говорит,— дорогой Кузьма, как это удалось тебе весточку мне послать из далёка далёкого?

— Какую такую весточку? — спрашивает жених.

— Нешто не помнишь? На колечке алого цвету.

— Ах, эту, которая на колечке? Как же, как же! Помню, как сейчас помню... Это ты, должно быть, запомнявала. А я-то помню...

Васюта чуть не попалась на хитрость, чуть не вскрикнула было, что она помнит все три слова радостных. Да спохватилась. И говорит:

— И впрямь запомнявала. А слова хорошие были. Напомни, милый.

Сказала так и обмерла: позеленел гость, глаза стали злыми-презлыми. И поняла Васюта, кто перед ней.

— Нет,— сказала она.— Нет! Теперь ты меня не обманешь. Ступай-ка подбру-поздорову, пока я мужиков деревенских не позвала.

А Кузька уже в подводном дворце сидит, ждёт хозяина. Ну, тот долго ждать себя не заставил.

— Ну как дела, Кузька? — спрашивает.— Одолел хоть одну книгу?

— Да что делá? Вот прочитал одиннадцать книг. Научился кое-чему. Попрощаться с тобой хочу. Уплыву куда глаза глядят. Али, может, мне задержаться малость, прочесть ещё и двенадцатую?

— Что ты, что ты! — вскричал в испуге хозяин.— И думать даже не смей! Можешь таких бед наделать, что потом и не исправишь.

— Это уж точно. Так что же, отпразднуем расставанье-то?

— Отчего же нет.

— Только мне подводные твои вина всё же не по душе. Вот у нас в деревне вино делают так вино! Выпьешь шкалик, словно у печки погрелся.

— Не пробовал я такого,— говорит хозяин.

— Так за чем дело стало? Я мигом слетаю.

— Э! Нет! Хитришь ты чегой-то. По глазам вижу, хитришь. Лучше уж я сам.

Запер хозяин на тайные замки волшебные книги, сплавал за вином; не преминул, конечно, и к Васюте заглянуть, да всё безрезультатно.

— Ну ладно,— сказал он девушке.— Испытывал я тебя, красавица, верность твою проверял. Вижу, верна ты Кузьке. Жди его завтра.

— Уж как жду! Как жду! — ответила Васюта.— Только его, а не тебя.

Безрадостный вернулся он во дворец: неужто и завтра не удастся обмануть её?

Сели за стол. Кузька наливает по полному стакану. Сам только делает вид, что пьёт, а на самом деле вино выливает. А хозяину земное вино пришлось по душе. Пьёт он и пьёт. А Кузька всё подливает да подливает. Опьянел волшебник да и свалился под стол. А Кузька подождал, пока он захрапит, и снял с его правой руки чёрный перстень.

Через некоторое время проснулся волшебник. Пьян ещё свыше мер. Смеётся над Кузькой.

— Эх, ты! — говорит.— Чудак. Потерял ты свою Васюту. Завтра станет она моей женой.

— Да уж знаю, что ты решил прикинуться другим, мой образ принять хочешь.

— Откуда знаешь? — С волшебника мигом слетел хмель.

Взглянул он на руку, а на ней нет колдовского перстня.

— Отдай перстень! Слышишь, отдай!

— Дудки!

— Отдай! Превращу тебя в человека! Всё верну тебе, Васюту не трону. Отдай, прощу!

— Ну, нет. Хотел ты превратиться в Кузьку, а превратишься в рыбу!

Стукнул Кузька по столу перстнем. Замахал руками волшебник, закричал, забился и стал большим чёрным тайменем. Прошли по дворцу волны, закружилась вода. Завертела Кузьку. Зажал он в кулаке перстень, зажмурил глаза. А когда открыл их — исчез и подводный дворец с золотыми фигурами, и лестница белоснежная.словно ничего и не было на дне озера. Только бьёт хвостом по воде чёрный таймень да гоняется за неведомо откуда появившимися золотыми рыбками.

С тех пор и поселились в озере два тайменя. Один зелёный — Кузька, другой чёрный — бывший волшебник. Один любит поозоровать — подбросить рыбакам вместо улова какую-нибудь чепуху. А второй, сердитый, обгрызает крючки, рвёт сети: боится в уху попасть.

Вот вам и весь сказ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,
*в которой разговаривают рыбы и ожива-
ют сказки и в которой выясняется, что
на плечах у Сени не голова, а целая
академия*

— Мммм,— сказал начальник «Лаборатории СИЧ». — «Мы не липы, мы не клёны...» Мммм... У сказки нет конца!.. Мммм...

— Видать, она не кончилась, значит,— покачал головой Тимофей Митрофанович.

— Стало быть,— сказал Сеня,— нужно искать.

— Мммм... Мудро!

Заведующий нажал кнопку, погас свет, и загорелись на стенах пёстрые таблицы — разных цветов, с яркими рисунками.

Он притронулся к рычажку, спрятанному в рамке одной из таких таблиц — на ней была нарисована рыба,— таблица исчезла, и появился большой светлый экран. И тут все присутствующие услышали лёгкий запах йода, беспокойный и влажный ветер ударил в лица, послышался шум прибора.

Бушевало море. До горизонта простиралась его взбудораженная синева. Молнии вздрагивали и падали в тёмную глубину, и было слышно, как они шипят, угасая.

Но вот чуть улеглось волнение, и появилась в волнах золотая рыбка. Появилась и спросила:

— Чего тебе надобно, старче?

— Мммм...— сказал заведующий.— Это я-то старче?.. Мммм?

— И вообще говорите со мной стихами,— потребовала рыбка.

И заведующий заговорил:

— Ммм... Смилуйся, государыня рыбка,
Выручай, если можешь, конечно.
Жил на свете парнишка Кузька,
Озорник, баловник и задира,
Был наказан он стариками:
Брошен в море, непослушный.
И с тех пор он сделался рыбой,
Пучеглазым зелёным тайменем... Мммм...

- Чего тебе надобно, старче?
— Ммм... Чтобы ты разыскала Кузьку,
Помогла нам найти тайменя.
— Не печалься, ступай себе с богом,—

сказала рыбка и исчезла.

А рядом с креслом, в котором сидел заведующий, появилось новое корыто.

— Вот так штука! — закричал Димка. — Корыто вместо тайменя!

— Ммм... — улыбнулся заведующий. — Ничего не сделаешь. Уж очень точно запрограммировано... Мммм... Попробуем ещё...

Он снова нажал рычажок.

Море успокоилось. Какое-то огромное чёрное пятно появилось на экране. Оно стало чётким, вырисовалось на фоне синих волн гигантское чудовище — чудо-юдо рыба-кит.

— Ох и чудовище! — с восторгом сказал Паша.

— Из «Конька-горбунка», — сказал Лёня Фомин.

— Мммм... — сказал заведующий. — Мммм... Как вы угадали?..

— За далёкими лесами,
Под пустыми небесами,
На воде, не на земле,
Я давно лежу во мгле.
Мой покой никто не будит...
Кто вы, люди? Где вы, люди?
Где Иванушка, мой свет?
— Мммм... Здесь его в помине нет.
Ты ведь плаваешь не в ванне,
А в Великом океане,
Не встречал ли там, средь тьмы,
Ты волшебника Кузьмы?

— Послушайте, что вы задаёте мне вопросы не по правилу? — сказал кит. — Не хочу больше с вами играть. Уходите из моей сказки.

— Дела! — почесал за ухом Тимофей Митрофанович.

— Да, — сказал Сеня. — Всё-таки ограниченные люди — эти герои сказок.

— Ммм... Мудро! — сказал заведующий. — Ну-с ещё одна попытка... «Вот какие пироги!..» Ммм...

Он снова нажал рычаг. От экрана повеяло холодом. Мелкая позёмка мельтешила перед глазами; через минуту возле каждого стула белели высокие, курящиеся снежной дымкой сугробы. Теперь перед глазами стыла под ледяным одеялом река, и только прорубь парила и дышала, не желая поддаваться стуже.

И вдруг из проруби выскочила щука.

— По вашему хотению, по моему велению я уже здесь. Ой, вы знаете, этот карась решил жениться на белорыбице. Ну и дурак! Она же совсем не хозяйка. Постирать и то не может, а уж чтобы зажарить на завтрак червяка — ни боже мой! Ах, эти молодые люди! О чём они только думают!

— Мммм... Извините, нам бы хотелось узнать...

— Послушайте, молодой человек, неприлично перебивать старших. Просто не дают развернуться... Ну и ну!..

— Ммм... Видите ли, нам хотелось бы узнать: не знакомы ли вы лично или, так сказать... мммм... через кого-нибудь с волшебником Кузькой — зелёным тайменем?

— Кузька? Емелю знаю, Кузьку — нет. Так вот, я и говорю карасю: ну, зачем тебе белорыбица?..

Заведующий щёлкнул выключателем. Экран погас.

Можно было подумать, что всё это сон, если бы не лужи, которые остались у каждого кресла от только что растаявших сугробов.

— Может быть, попробуем,— несмело сказал Сеня,— поискать в другой области?

— Мммм... то есть?

— В сказках о невидимках?

— Ммм... Мудро! Да у вас не голова — академия... Мммм... «Вырастем — созреем...» Ох, эта песенка...

Чего только не перепробовали! И волшебное питьё, и шапку черномора, и чародейский платок — всё зря. Надели и шапку-невидимку — и снова стали невидимыми. Правда, когда сняли её, они уже не были зелёными. Вернее, были, но наполовину — вторая половина стала синей. Но на это уж никто не обратил внимания — так все устали.

Именно тогда Сене пришла самая правильная идея: с помощью «Локатора СИЧ» поискать Кузьку в озёрах Сибири.

И начались поиски. Установили дежурство. Через каждые два часа сменяли друг друга у локатора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,
более грустная, чем весёлая

— Он! Он! — закричал Димка не своим голосом.

— Ммм... Где?

— Видите, видите, таймень зелёный в глубину уходит? Кузя! Кузя! Кузьма Озёрыч, что же вы

от нас прячетесь? Не бойтесь!.. Мы вам ничего плохого не сделаем!..

— Это я-то боюсь? — Таймень повернул к экрану голову, и Паша Кашкин сразу узнал привидение, которое он видел на озере.— Это я-то боюсь? Не на таковского напали.

— Кузьма Озёрыч! — сказал заведующий «Лабораторией СИЧ». — С помощью вашей галоши... ммм... эти мальчики стали невидимыми. Только вы знаете секрет, как им вернуть прежний облик.

— Знаю, да только секрет-то теперь бесполезен.

— Почему? — спросил Сеня.

— Потому, что может стать видимым только Вадим Смирнов — тот, кому я подарил галошу. А остальные... Вадим должен сказать те же слова:

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чebурек...

и только в конце — иначе:

Стань обычным, человек!

Но дело в том, что, когда я дарил галошу мальчику, который так много для меня сделал, я думал, что он ОДИН станет невидимкой. А он сделал невидимыми ТРИДЦАТЬ ТРИ ЧЕЛОВЕКА. Теперь галоша перестала действовать. Он может стать видимым один... Один...

— А чем мы вам можем помочь? — спросил Паша.

— Вы и можете и не можете... Мне нельзя объяснить вам это: иначе я навсегда останусь рыбой.

Скажу вам ещё загадку, может, пригодится она вам. НЕ ВИДЕН ПАЛЕЦ, ДА ВИДЕН КУЛАК!..

И уплыл Кузька в тёмную глубину.

— А ведь он нам подсказал выход,— сказал Лёня Фомин.— Только какой?

— Мммм... Пожалуй, вы правы... Поищем в отгадках... Мммм... Нет, ничего нет.

— Мне кажется,— несмело сказал Сеня,— что он посоветовал нам собрать всех невидимок вместе. Один — палец, все — кулак.

— Верно, — обрадовался заведующий. — ОДИН — ПАЛЕЦ, ВСЕ — КУЛАК!

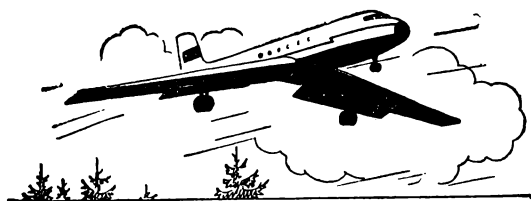
И хотя на экране была видна гладкая, как стекло, поверхность горного озера, а Кузька был далеко-далеко, показалось Димке, что, спрятавшись под водой, хитро улыбается зелёный таймень.

Каждый день с аэропорта Домодедово вылетают самолёты: простые, тридцати-сорокаместные, огромные, звонкогудящие реактивные. Здесь начинаются пути, связывающие столицу с самыми дальними уголками страны и земного шара.

Сегодня среди пассажиров, стремящихся на восток, среди провожающих можно было встретить и многих наших знакомых. Был здесь и полковник Логинов с женой и маленькой дочкой. Был и лейтенант Фомин, и милиционер Степан Аванесов со своей невестой — сестрой Алёны-Малёны; профессор Верхомудров, и заведующие лабораториями, и даже Степан Петухов с мамашей своей, продавщицей пирожков.

Вокруг странно раскрашенных мальчиков толпились любопытные, и Димка тотчас же вспомнил, что уже слышал когда-то те же самые слова:

— Гляди-ка, какую рекламу придумал цирк!

И вот в репродукторе раздался звонкий девичий голос. Он категорически предлагал

пассажирам, вылетающим в город Прибайкальск, занять места в самолёте.

Мальчики заторопились. Им было и весело и грустно. Весело потому, что через семь часов они будут дома; грустно потому, что приходилось расставаться с людьми, которых мальчики успели полюбить всей душой. Подумать только! Семь часов, и все трое — Димка, Паша и вожатый Сеня — будут пожимать руки друзьям, говорить с Анатолием Петровичем, но раньше всего — увидят родителей.

Бабушка Варвара всплакнула и посоветовала не открывать форточку, Лёня просит писать, а Стёпка Петухов протянул друзьям на прощание большой пакет. Мальчики развернули его уже в самолёте: там лежали удивительного вкуса домашние пирожки.

Вихрь вырвался из камер сгорания, оторвал самолёт от земли и бросил в синее, на редкость для Москвы безоблачное небо.

— Ну вот, — хлопнул Лёню по плечу Василий Михайлович. — А ты говорил «фантастический роман». Видишь, всё оказалось значительно проще.

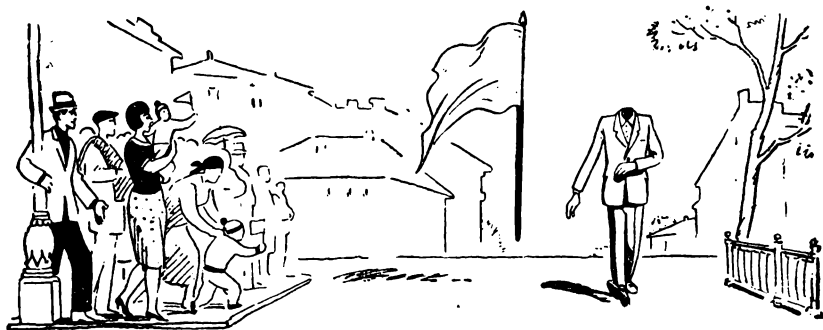
Лёня молчал. Ему было грустно.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,
которая обычно служит эпилогом и в
которой волшебник перестаёт быть
волшебником

Их встречала вся школа.

А когда они пошли с вокзала, весь город высыпал из домов, остановились автомашины и трамваи, опустели магазины. Ещё бы! Такого зрелища никто никогда не видывал: впереди, рядом с учителями шагал молодой человек, видимо вожатый, потому что над плечами у него не видно было головы, потом шагали два паренька, раскрашенные, словно клоуны из цирка: половина лица синяя, половина — зелёная. Потом шли невидимки — о них знал весь город, поэтому им кричали «ура», хотя увидеть не могли. Просто над улицей летело звонкое и торжественное: тра-та-та-та-та! Тра-та-та-та-та!

Они пришли в сто семнадцатую школу, вошли в свой пятый класс. У Димки и Паши просто сердце защемило, когда увидели они и ребят, и родителей, и учителей.

Вера Сокольникова открыла заседание штаба невидимок. Наши друзья рассказали о своих московских приключениях, об институте профессора Верховудрова, о разговоре с Кузькой.

— Ребята! — сказала Вера. — Ребята! У одного из нас, у Димки Смирнова, есть возможность снова стать видимкой. Он единственный, кто связан с волшебником Кузькой, поэтому, став видимым, он сможет нам помочь. Об этом сказал Сене и мальчикам на прощание профессор Верховудров. Он расшифровал разговор с Кузькой и сказал Димке, что многое зависит от его решения. Больше он ничего сказать ему не мог, потому что иначе мы НИКОГДА не станем видимыми. Он смог бы сделать нас только зелёными, как вот Димка и Павлик сейчас.

— Давай, Димка! Становись видимым...

— Ребята! Мне...

— Ладно, ладно! Не рассуждай. Чего там!..

— Ну хорошо...

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай!
Эки-веки-чебурек —
Стань обычным, человек!

— Ребята! Ребята! — закричала вдруг Вера Сокольникова. — Куда же вы пропали?! Я вас НЕ ВИЖУ! Ребята!

— Зато я тебя вижу, — сказал Анатолий Петрович. — Ты уже становишься видимой...

— Ой, как здорово, ребята!.. Пойдите! А как же Димка?

— А я остаюсь со всеми. Я не могу быть видимым и не хочу, пока хоть один человек в классе остаётся невидимкой... Ведь это всё произошло по

моей вине. Значит, мне... Ну, в общем, если бы я воспользовался единственной возможностью стать видимым только для себя — какой же я тогда пионер? А Вера — она молодец... Ну вот...

И тогда над партами стали сгущаться лёгкие облачка. Вот они всё плотнее и плотнее. А ещё через минуту сидели в классе тридцать три ученика, стоял вожатый, на плечах у которого появилась голова, снова «выросли» усы у Анатолия Петровича. И только Гипотенуза Сергеевна удивлённо вскрикнула и... упала в обморок.

...Отец Павлика Пётр Николаевич Кашкин выполнил своё обещание. В воскресенье друзья отправились на Байкал.

Под вечер остановились в небольшой — дворов на пятьдесят — деревушке. Ночевать в деревне не стали, отъехали чуток в сторону — к рыбацкому стану и подошли к костру.

Рыбаки ушли уже в море, и только две женщины подбрасывали дрова в костёр. В большом закопчённом котле варилась уха.

Одна из женщин была совсем старой. Тёмное обветренное лицо её изрезали морщины, руки, немало переделавшие на своём веку, тряслись.

— Эй, Васюта! — говорила она той, что помоложе. — Ты бы гостей хоть омульком угостила. Чай, из города, стало быть, давно настоящего не пробовали. Омуль что, — обратилась она к Петру Никаноровичу, — омуль, он — рыба нежная. Пока довезёшь куда али так полдня пролежал — уж и вкус другой. Нет, кто на Байкале не побывал, тот настоящего омуля не едал.

Та, кого старуха назвала Васютой, молча подошла к костру, большим острым ножом распластала жирную, чуть не на килограмм весом рыбину, проткнула её палочками — рожнами — и приспособила у огня.

Мальчишки заметили, что палец на правой руке у неё перевязан, должно быть порезала.

— Эй, ходи! — раздалось с моря.

Это рыбаки закончили травить невод и направили баркас к берегу. В ту же минуту лошадь, привязанная к круглому барабану, заходила. Барабан-вертушка натянул канат, прикреплённый к неводу. А время шло.

Когда поблёкли звёзды на небе, сгустилась предрассветная темнота, дежурный подал сигнал: невод близко. И вот уже ухватились рыбаки крепкими руками своими за концы сети, упёрлись ногами в землю, тянут изо всех сил. А на море Байкале начиналась буря. Волны били в берег, словно хотели захлестнуть рыбаков. Притонили улов да и удивились сами: сроду такого богатства не было. Билось в неводе омуля видимо-невидимо. А промеж омулей тяжело шевелился и хвостом бил огромный, тёмный, отливающий зеленью таймень.

— Ну вот, — сказала Васюта, — добрая к утру будет уха. Такого тайменя на всю бригаду хватит.

— А вдруг это Кузька? — шёпотом спросил Паша у Димки.

— Ага! Может, и он...

— Жалко, понимаешь, ведь попадёт в уху — и конец.

И только сказал он это, как сверкнула зарница над Байкалом, гром прогремел. В Иркутске даже землетрясение зарегистрировали. Таймень под-

прыгнул высоко вверх, упал на землю у самого костра. Лопнула от огня толстая рыба-кожа. Не то пар, не то дым пошёл из того места, где лежал таймень. А когда развеялся дым — исчезла рыба. У костра стоял красивый парень, кареглазый, высокий, широкоплечий, кучерявый.

— Васюта! — радостно закричал он.

Оторопевшая девушка взглянула на него, заплакала вдруг и побежала к парню.

— Кузьма! Дорогой, долгожданный! Что же так долго не шёл?

— Вот их благодари, — ответил Кузьма и показал на мальчиков. — Три человека должны были пожалеть меня, не зная, что я — это я. Этот вот пожалел меня, когда стариком я был, смешным да плешивым. Девочка московская пожалела Кузьку из сказки. Ну, а в третий раз вот второй паренёк помог зелёному тайменю, посочувствовал. А не то попал бы я в уху — и конец.

Пока тянула Васюта вместе с рыбаками сеть, слетела тряпка, которой был обмотан палец. И теперь увидели все, что на пальце у девушки сверкает необыкновенной красоты, голубой, как Байкал, перстень.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАРИК С ЗЕЛЁНОЙ БОРОДОЙ

Глава первая, в которой мы впервые встречаем старика с зелёной бородой и с которой, собственно, начинаются необыкновенные события в городе Прибайкальске	3
Глава вторая, весьма короткая, но в ней Димку осеняет гениальная идея	6
Глава третья, в которой улыбается зелёный таймень, а Паша Кашкин разговаривает с привидением	8
Глава четвёртая, в которой Димка убеждается, что Зелёнобородый его обманул. В ней рассказывается также о «Всаднике без головы»	11
Глава пятая, в которой происходят странные, необъяснимые вещи; в ней же рассказывается о том, как Димка с Пашей проводят несколько экспериментов	14
Глава шестая, в которой рассказывается о необыкновенном футбольном матче между командами «Синий лопух» и «Ураган»	18
Глава седьмая, в которой рассказывается о том, как хлопотно быть невидимкой	22
Глава восьмая, в которой родители получают странные письма	24

Глава девятая, в которой Иван Спиридонович подаёт сам на себя заявление	27
Глава десятая, в которой Димку одолевают сомнения . . .	30

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕТАЮЩАЯ ДЕВОЧКА

Глава одиннадцатая, в которой начальник Московского управления милиции Василий Михайлович Логинов получает пакет из Прибайкальска	33
Глава двенадцатая, в которой Маруся Логинова чудесным образом спасается от беды	37
Глава тринадцатая, в которой каждый по-своему пытается объяснить происшествие	41
Глава четырнадцатая, в которой рассказывается история с пирожками	44
Глава пятнадцатая, в которой Лёня Фомин высказывает свои соображения	46
Глава шестнадцатая, в которой штаб невидимок отдаёт первое распоряжение	50
Глава семнадцатая, о том, где спят поезда метро и кто спит в поездах метро	55
Глава восемнадцатая, о том, что голод — не тётка, а Кузька очень похож на Зелёнобородого	63
Первая легенда о старике озорнике	63
Глава девятнадцатая, в которой милиционер Степан Аванесов проявляет бдительность	73

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОЛШЕБНИК

Глава двадцатая, в которой Маруся Логинова разговаривает с Алёной-Малёной	77
---	----

Глава двадцать первая, в которой письма находят адресатов, адресаты путешествуют, а путешественники возвращаются	79
Глава двадцать вторая, в которой бабушка Варвара решилась наконец поговорить с «нечистой силой»	84
Вторая легенда о старике озорнике	86
Глава двадцать третья, в которой разговаривают деревья, машины ездят без шофёров и работает электронный лифт	90
Глава двадцать четвёртая, в которой выясняется, из чего сделаны котлеты, и в которой многие знакомые встречаются вновь	96
Глава двадцать пятая, проведённая зелёными пациентами в «Лаборатории СИЧ». В ней же рассказывается третья легенда о старике озорнике	101
Третья легенда о старике озорнике	104
Глава двадцать шестая, в которой разговаривают рыбы и оживают сказки и в которой выясняется, что на плечах у Се-ни не голова, а целая академия	111
Глава двадцать седьмая, более грустная, чем весёлая	115
Глава последняя, которая обычно служит эпилогом и в которой волшебник перестаёт быть волшебником	119

ДОРОГИЕ РЕБЯТА

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сергеев Марк Давидович

ВОЛШЕБНАЯ ГАЛОША

Повесть-сказка

**Ответственный редактор
С. Е. Миримский
Художественный редактор
В. А. Горячева
Технический редактор
В. К. Егорова**

Корректоры Т. П. Лейзерович и Л. М. Николаева.

Сдано в набор 17/V 1965 г. Подписано к печати 6-VII 1965 г. Формат 60×84^{1/16}. 125 п. л. 7,42 усл. печ. л. (4,85+1 вкл.=4,96 уч.-изд. л.). Тираж 150 000 экз. ТП 1965 № 247.

Цена 29 коп.

**Издательство «Детская литература».
Москва, М. Черкасский пер., 1.**

**Фабрика «Детская книга» № 1 Росглаво-
лиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати.
Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 2818.**

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

*В издательстве «Детская литература» в 1965 году
выходят следующие книги:*

Берестов В.

МАСТЕР ПТИЦА.

Сказки в прозе: «Аист и соловей», «Репа», «Как найти дорожку» и другие

Макарова Т.

СНЕГ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРОД.

Герои повести — Снег лесной и Снег городской. В сказке они обретают зримые человеческие черты

Прокофьева С.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЁЛТОГО ЧЕМОДАНЧИКА.

Весёлая повесть-сказка. Один из героев сказки—детский доктор — вылечивает мальчика Петю от трусости

Чеповецкий Е.

НЕПОСЕДА, МЯКИШ И НЕТАК.

Повесть-сказка в 2-х частях. Весёлая история трёх игрушечных мальчиков.

*Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.
Книги высылаются по почте наложенным платежом
отделом «Книга — почтой» областных, краевых
и республиканских книготоргов.*

Цена 29 коп.